

The illustration depicts the head of Medusa, a Gorgon from Greek mythology, with her hair replaced by a dense, chaotic mass of dark, patterned snakes. Her face is pale and has a shocked or terrified expression, with wide, staring eyes and an open mouth showing teeth. Red blood is dripping from the neck area. The entire scene is set against a dark green background with a decorative, ornate border at the top and bottom.

Пересичанский Юрий
Анатомия
лабиринта

Детективный роман

Юрий Пересичанский
Анатомия лабиринта.
Детективный роман

«Издательские решения»

Пересичанский Ю.

Анатомия лабиринта. Детективный роман / Ю. Пересичанский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857970-7

Убит бизнесмен Леонид Басов, расследование ведут майор Полозов и лейтенант Савчук. Что же так приковывает читателя с первых страниц и не отпускает до последних? Захватывающий каскад построенных на скупых фактах догадок, прозрений, логических построений, психологических уловок сыщика складывается в калейдоскоп версий, иногда, вроде бы, заводящих в тупик, но в итоге всегда выводящих на след преступника — все это создает феерическую иллюзию реального участия самого читателя в расследовании.

ISBN 978-5-44-857970-7

© Пересичанский Ю.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I	6
Г Л А В А 2	34
1	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анатомия лабиринта

Детективный роман

Юрий Пересичанский

© Юрий Пересичанский, 2017

ISBN 978-5-4485-7970-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убит местный бизнесмен и авторитет Леонид Басов, более известный как Лёнька Туз. Расследование ведут знаменитый майор Полозов и стажер лейтенант Савчук. Кажется бы, обыкновенный детектив? Но что же так приковывает читателя с первых же страниц и не отпускает до последних? Захватывающий каскад, построенных на скупых фактах, невероятно проницательных догадок, прозрений, логических построений, психологических уловок, которыми сыщик вытаскивает нужную ему информацию из подозреваемых и свидетелей – все это складывается в калейдоскопические версии, которые, казалось бы, иногда заводят в тупик, но в итоге всегда выводят на след преступника, все это создает феерическую иллюзию буквально реального участия самого читателя в расследовании.

Но «Анатомия лабиринта» – это еще и просто хорошая, стильная литература. Добродушный юмор, которым пересыпан текст, делает героев близкими читателю людьми; интересные, вовлекающие в суть раскрытия истины, динамичные диалоги, во время которых читатель и сам как бы становится участником этих диалогов и ловит себя на желании возразить или подсказать. Сочный, богатый язык. Детектив, оказывается, тоже может быть хорошей литературой. Одним словом, начав чтение «Анатомии лабиринта» вы вряд ли сможете оторваться до последних строк, а может быть, даже захотите перечитать еще раз!

ГЛАВА I

1.

Хотя, конечно, и не владелец заводов, газет, пароходов, но тем не менее полноправнейший обладатель вино-водочного заводика, нескольких магазинов, ресторана и даже одного из городских казино, бизнесмен и по совместительству местный авторитет Басов Леонид Антонович, более известный до недавнего времени в своем родном городе Южноморске под прозвищем Лёнька Туз, лежал в одном из глухих переулков своего родного города в позе, скорее напоминающей очертания карточного короля, нежели туза: раскинувшись навзничь на влажном в этот росистый предрассветный час асфальте, разбросав руки в стороны, как бы пытаясь принять в объятия светлеющее от восходящего солнца небо, немного подогнув ноги, он, безвольно откинув голову вправо, как бы демонстрировал всем желающим свой профиль с коротко остриженной рыжеватой бородой, как раз и делавшей Басова, или Туза, схожим с карточным королем, в отличие, скажем, от карточного валета, изображающегося обычно таким франтом с изысканно выбритым подбородком. Хотя, если не рассматривать голову Басова отдельно крупным планом, а окинуть всю его раскинувшуюся на асфальте фигуру целиком, то, конечно, можно было невольно поймать себя и на ассоциации с изображением карточного крестового туза – креста, к стати, вытатуированного на руке Басова и делавшего явной и очевидной его принадлежность к определенной касте людей.

А сравнение Басова с изображением карточной фигуры для человека, смотревшего сейчас на Туза и знавшего его раньше, было вполне естественно, ибо и поза Басова, и его прозвище, и пристрастие Туза к карточной игре, очевидно, и давнее Басову право на присвоение именно такого псевдонима, делали такие ассоциации вполне оправданными, если не сказать закономерными. Поэтому не было ничего удивительного в том, что майор Полозов Юрий Михайлович, знавший Басова с тех пор, когда тот еще только становился Тузом, тоже невольно начал придавать очертаниям раскинувшейся перед ним фигуры Басова подобия карточных фигур – да, любил Леонид Антонович Басов перекинуться в картишки при жизни. Бывшей жизни. Ведь не стали бы майора Полозова поднимать ни свет ни заря с постели лишь для того, чтобы потешить майора лицезрением лежащего на асфальте живого Басова, да и не лежал бы Басов, будучи живым, вот так вот посреди улицы – даже если бы Леонид Антонович и упился мертвецки, что с ним, честно говоря, случалось частенько, то и в этом случае, он не лежал бы среди улицы, а был бы всенепременно доставлен домой своим преданным и не заменимым другом, соратником, охранником, водителем, своим ангелом-хранителем Федором Кабановым, или проще Федюней. Тузы, как известно, на дороге не валяются, по крайней мере пока они живы. Басов же лежал посреди улицы и не был доставлен домой Федюней по причине того, что рана, нанесенная Басову была смертельной: «ранение в область сердца было не совместимо с жизнью уже в момент нанесения данного ранения» – так определил ситуацию медэксперт, прибывший на место преступления в составе оперативно-следственной группы, которую возглавил майор Полозов. Смертельный удар был нанесен колюще-режущим предметом (проще – ножом) прямо в сердце, так что Басов умер моментально, как говорится, не мучаясь, и лежал сейчас на асфальте, влажном не только от предутренней росы, но и мокром от его, Басова, собственной крови.

Наполнявшаяся посвистываниями, щелканьями, чириканьями довольно многочисленных птиц в этом, достаточно далеком от центра города, районе, предрассветная тишь в это утро была взбудоражена еще и не привычными здесь в такой час шумами и голосами: глубокие и узкие колодцы улиц между многоэтажками заполнялись голосами съехавшихся сюда право-

охранителей всех рангов, чинов и систем (от милиции до прокуратуры), щелканьем фотоаппаратов, гулом подъезжающих и отъезжающих автомобилей – не каждый ведь день убивают Туза.

Знавшего Туза еще с тех давних пор, когда тот еще не был Тузом, а был всего лишь Лёнкой Басовым, начинающим, но уже многообещающим вором, майора Полозова обуревали сейчас весьма противоречивые чувства. С одной стороны представшее глазам майора зрелище было как бы назидательным доказательством вековых народных мудростей, говорящих о том, что сколько веревочке не виться, а конца не миновать, или о том, что ложью поле перейдешь, да назад не воротишься, – и в этом случае смерть Басова, именно такая вот смерть была вполне закономерной и не должна была бы вызывать удивления. С другой же стороны, Ленька Басов, отдав должное воровской романтике в период всеобщего заката коммунизма, в период рассвета Горбачевских перестроечных веяний вдруг переосмыслил свой антисоциальный статус – в почве возрождающегося капитализма Басов почувствовал себя семенем, из которого произрастает будущее, и вдруг понял, что зарабатывать большие деньги можно и не конфликтуя с «Уголовным кодексом». А чувствовать себя закваской будущих изменений все же намного приятнее, чем прозябать антисоциальным изгоем, и не важно где при этом разворачивается это самое будущее, в бывшей единой и неделимой стране Советов, или в нынешних суверенных частях этой самой распавшейся страны. При чем, свое воровское прошлое в таком случае вполне оправданно можно было рассматривать как своеобразное диссидентство, как некий Робингудовский протест против уничтожающего человеческую личность коммунистического режима.

Так что память о том, что Леонид Антонович Басов когда-то был Лёнкой Тузом все больше и больше стиралась в отличие от вытатуированного на его руке креста, которым Басов дорожил, как символом своих лучших, в смысле молодости, лет. В общем, смерть Басова была для майора Полозова явлением как бы знаковым: в перипетиях взаимоотношений Полозова и Басова, как в капле воды, отражалось все произошедшее в этой жизни и с майором Полозовым, и с Басовым и с их страной.

– Клиент, как я понимаю, скорее мертв, чем жив, не так ли? – вывел Полозова из его исторических раздумий его непосредственный начальник, он же начальник уголовного розыска Южноморского областного УВД Царев Николай Степанович.

– Он уже не клиент, по крайней мере не наш клиент, – ответил Полозов, подавая руку подошедшему полковнику Цареву – Сейчас он уже клиент той организации, – майор показал большим пальцем на небо, – где уж точно не берут ни борзыми щенками, ни долларами, ни рублями, так что Басову придется там держать ответ на полную катушку.

– Тем более, что чистосердечное признание там, – полковник взглянул на небо, – может послужить смягчающим вину обстоятельством только в случае, если признание было действительно чистосердечным.

– Чистосердечным? – улыбнулся Полозов горьковато. – Удар прямо в сердце, – вспомнил он определение медэкспертом ранения Басова. – Оказывается, у Леньки Туза было сердце.

– А при отпевании в церкви еще обнаружится, что у него была и душа.

– А при застолье на поминках еще обнаружится, что душа у Леонида Антоновича была не какая-нибудь там душонка, а была вместилищем добропорядочности, честности, милосердия и так далее...

– Как говорится, справедливость земная и справедливость небесная не всегда совпадают, – развел Царев руками. – Это, наверное, как очевидность воровства и весьма туманная возможность доказать факт этого воровства в суде.

– Мы по крайней мере, поставлены земными вышестоящими органами для того, чтобы пытаться поддерживать только земную справедливость, а небесной справедливостью пускай занимаются иные органы, – заметил Полозов. – Лично я совпадение земной и небесной спра-

ведливости наблюдал, когда последний раз получал зарплату, на которую мог жить по-человечески, и с тех пор... – и он тоже саркастически развел руками.

Полозов и Царев понимающе переглянулись и умолкли, сознавая неуместность их иронии возле мертвого тела, но в то же время оба они прекрасно понимали, что ежедневно соприкасаясь со страданиями, кровью и смертью, они просто не могли слишком непосредственно и серьезно относиться ко всему этому – грубоватый черный юмор был для них своеобразным бронезилетом в их ежедневном соприкосновении с той неприглядной, трагически заостренной стороной жизни, которой оборачивался к ним мир в соответствии с их профессией. Пятидесятилетний невысокий, плотный, коренастый полковник Царев в своей отутюженной форме, с его крупными, немного грубоватыми чертами лица, всегда чисто выбритого, с черными кучерявинками элегантно подстриженных волос, выбивающихся из-под форменной фуражки и сорокалетний выше среднего роста, сухощавый, но ширококостный Полозов со скуластым лицом с тяжелым подбородком, ястребиным носом и зоркими черными глазами под слегка запущенными русыми волосами, с его вечной двух-трехдневной небритостью, в своем слегка помятом, но тем не менее отлично сидящем на его ладной фигуре, цивильном сером костюме при первом взгляде на них, стоящих сейчас рядом возле трупа, совершенно не походило на начальника и подчиненного, особенно если взять во внимание суть их разговора.

– Одним словом, расследованием обстоятельств гибели гражданина Басова Леонида Антоновича будешь заниматься ты, – перешел полковник Царев к профессиональному разговору.

– Я и...

– Ты от нас, а параллельно с нами и прокуратура, – полковник кивнул головой в сторону стоящего возле роскошного черного джипа невысокого плотного довольно молодого парня в шикарном импортном костюме при галстуке. – Старший следователь по особо важным делам областной прокуратуры товарищ Гмыря Роман Сергеевич.

– Рома? Параллельно с нами? – Полозов бросил тяжелый взгляд исподлобья в ту же сторону.

– Вот именно, параллельно.

– В таком случае хотелось бы, чтобы Лобачевский был неправ, и параллельные все же не пересекались.

– Но неправ оказался, увы, Эвклид, – полковник Царев, ни в жизни ни в работе никогда не пренебрегавший возможностью совершить обходной маневр, снизу вверх искоса посмотрел на майора Полозова, который во всех случаях жизни предпочитал атаку в лоб, и добавил: – И параллельные, как это ни странно, иногда пересекаются.

– Вот-вот, а самая прямая между двумя точками – это кривая, не так ли, – как всегда съязвил Полозов по поводу дипломатических дарований Царева.

– Кривая не кривая, а сделанный вовремя удачный зигзаг всегда выпрямляет дорогу к цели.

– Ладно, оставим лирическое отступление и перейдем как к делу, – Полозов остановил свой взгляд на трупе Басова. – Когда я спрашивал, кто еще вместе со мной будет заниматься расследованием, я имел в виду не параллельную нам прокуратуру, а перпендикулярных ко мне моих коллег-оперативников с нашего родного областного УВД, или что, я сам буду тянуть эту лямку? – кивнул он в сторону Басова.

– Юра, ты же сам понимаешь, сейчас ведь лето, все в отпусках, где я тебе...

– Понятно, – не дал ему закончить Полозов, – ты что, предлагаешь и мне воспользоваться наконец своим законным правом на отдых и пойти в отпуск, как давно это я уже не был в отпуске, – оборвал он этим железным доводом дипломатические маневры полковника, – или совсем рассчитаться, по собственному желанию, или как сейчас принято говорить, по согласованию сторон, ведь работаю я за троих, а зарплату получаю одну, причем зарплата эта рассчи-

тана на обеспечение материального существования максимум одной четверти среднестатистического эсэнговского гражданина, причем без учета его духовных потребностей, а это прямое нарушение трудового законодательства и Конституции...

– Вот-вот, рассчитайся, уволься, и с твоим великолепным знанием законов параллельности и перпендикулярности ты прекрасно устроишься математиком, а от математики рукой подать и до бухгалтерии, а бухгалтерия сейчас, сам знаешь, о-го-го! Бухгалтер – это звучит гордо!.. – попытался пошутить Царев.

– Зачем мне математика с бухгалтерией, – не восприняв шутки, серьезно ответил Полозов, – я вполне прилично могу прокормиться и собственной профессией в каком-нибудь крутом навороченном «секьюрити», или частный сыск например, или ты думаешь, что мне поступило заманчивых в валютном эквиваленте предложений так уж мало...

– Да знаю я, знаю, что тебе предлагали...

– Но я ведь мзду не беру, мне за державу обидно...

– Ладно, хватит, не кипятись, – решил Царев прекратить перепалку на эту, часто возникающую в последнее время, тему, – не кипятись, дам я тебе помощника, дам... Савчука я тебе дам.

– Ну спасибо, – сделал иронический полупоклон Полозов, – спасибо тебе за Савчука. Итого, – поднял он указательный палец, – один следак «плюс» один стажер «равняется» половина опера, итого, расследованием обстоятельств смерти Басова будет заниматься пол-опера.

– Ты не прав, Савчук уже почти не стажер, да и ты... Итого, один старший следователь по особо важным делам криминального розыска областного УВД, майор «плюс» один перспективный молодой горячий младший лейтенант, да и майор-то не какой-нибудь там, а сам Полозов, а майор Полозов – это минимум три обыкновенных опера. Итого, майор Полозов «плюс» рвущийся в бой Савчук – это «равняется», это «равняется»... О-го-го это «равняется»!

– Да-а-а, математика из вас, товарищ полковник, не вышло бы, а вот бухгалтер получился бы великолепный, как раз в таких бухгалтерях и нуждается современная наша экономика. Или из тебя получился бы бесподобный политик...

– И кроме того, – продолжил Царев, – тебе, как не берущему мзду, а обиженному за державу, не должна быть безразличной судьба молодого нашего пополнения, ты вот жалуешься на свою зарплату, а зарплата у младшего лейтенанта, между прочим, еще меньше, чем у тебя, а Савчук, между прочим, далеко не последний из младших лейтенантов, да и тебя он, между прочим, просто боготворит, – хитровато взглянул он на Полозова. – Ты ведь у нас человек-легенда. Майор Полозов – это...

– Да ладно тебе, – отмахнулся добродушно Полозов. – Давай твоего молодого, рвущегося в бой Савчука. Посмотрим.

Царев сделал подзывающий жест в сторону стоящего метрах в тридцати молодого парня.

Полковник Царев был, конечно, хитрый полковник, но хитрость его все же на девяносто процентов была направлена на пользу его подчиненных и совсем немного на пользу себе самому и начальству. Полковник Царев был правильный полковник.

2.

– Младший лейтенант Савчук по вашему приказанию... – хотел было Савчук привычным жестом вскинуть правую руку к виску, но вовремя вспомнив, что он сейчас не в форме и соответственно без фуражки, а к «пустой голове» руку не прикладывают, он отдернул поднявшуюся было уже к голове руку и запнулся.

– Да ладно тебе, Савчук, – пожал повисшую в воздухе руку младшего лейтенанта полковник Царев. – Что это ты в спортивном костюме?

– Решил соединить приятное с полезным: и на место происшествия прибыть и утреннюю пробежку совершить, а заодно и деньги сэкономить – трамваи сейчас еще не ходят, а частника поймать – дорого, вот я и...

– Да, да, ты же, кажется, в частном секторе живешь, недалеко от моря, – показал Царев рукой в сторону моря. – А почему же не на оперативной машине?

– Да их пока дождешься... Так быстрее, – отмахнулся Савчук.

– Ну вот, видишь. Как тебе парень? – обратился Царев к слушавшему их разговор Полозову.

Высокий, под метр девяносто, широкоплечий, атлетически сложенный двадцатипятилетний Савчук выглядел не последним парнем на деревне, но тем не менее, немного оробев перед начальством, слегка неуверенно переминался.

– На первый взгляд ничего себе парень, – окинул удовлетворенным взглядом Савчука майор Полозов, – а там посмотрим.

– Надеюсь, майора Полозова ты знаешь? – обратился к Савчуку полковник Царев, указывая на стоящего рядом майора.

– Конечно... – только и смог выговорить Савчук, пожирая глазами своего обожаемого кумира Полозова, ставшего легендой криминального сыска. – Майор Полозов... – добавил, запинаясь, Савчук

Вообще, при первом взгляде на лицо Савчука поражало буквально портретное его сходство со знаменитым мраморным изваянием Давида работы Микеланджело Буонарроти – имеется в виду, конечно же, сходство выше плеч, поскольку дальнейшее сравнение исключалось в связи с тем, что Савчук, в отличие от Давида, посторонним взглядам представал обычно одетым – так что о Савчуке можно было сказать, что он был вылитый Давид, только очень коротко остриженный. В данный же конкретный момент выражение лица у Савчука было таким, как если бы Давид вдруг увидел Голиафа, но не хулиганистого верзилу-Голиафа, который явился с преступными намерениями, а большого доброго дядю Голиафа, который бы пришел, например, помочь мальчику Давиду пасти овец, и тогда Давиду не пришлось бы из рогатки убивать бедного дядю Голиафа, а надлежало бы лишь безмерно возрадоваться, восхититься и восторженно оцепенеть, открыв рот, в связи с такой встречей, чем собственно и был занят в данный конкретный момент младший лейтенант Савчук.

– Да, да, я именно майор Полозов, – снисходительно вывел из оцепенения своего коллегу Юрий Михайлович, дружески подав ему руку для пожатия. – А вы Савчук Александр?... Извиняюсь?..

– Андреевич! – выпалил Савчук.

– Очень хорошо, Александр Андреевич...

– Можно просто Саша, – поспешил он добавить.

– Хорошо, Саша. А не могли бы вы нам, Саша, сказать, что вы думаете по поводу данного происшествия, – показал Полозов на лежащего перед ними Басова.

– Значит так, – засуетился Савчук.

– Только спокойно, не спешите, соберитесь с мыслями.

– Значит так, – более спокойно начал Саша. – Шел Басов оттуда, – показал он рукой вдоль улицы, – из недр этого, тридцать с лишним лет тому назад возведенного, спального района, так называемого спального района, – поправился он, – под названием Даниловка, названного так в связи с названием бывшего ранее на этом месте населенного пункта Даниловка...

– Ну историко-топографические подробности мы можем опустить, – улыбнулся Полозов.

– Хорошо, шел Басов, значит, оттуда, – показал Савчук снова в сторону недр Даниловки.

– А почему оттуда?

– Да потому, что вон там, – Савчук показал в сторону, противоположную ранее указанной, – где эта улица метров за двести упирается во двор вон той жилой многоэтажки, с другой

стороны двора этого дома Басова и ждал на машине его шофер и охранник Федор Кабанов, а не дождавшись, пошел по этой самой улице, нашел труп своего хозяина и сообщил о случившемся в милицию.

– Совершенно правильно, – согласился с ним Полозов, – и было это в три часа ночи...

– Вернее в три часа пятнадцать минут, – поправил его Савчук, – поскольку Басов приказал Кабанову ждать себя ровно в три часа ночи, Кабанов приехал на место без пяти минут три и, прождав хозяина двадцать минут, обеспокоился, поскольку Басов был очень пунктуален и обычно никогда не опаздывал, а обеспокоившись, пошел навстречу своему хозяину и нашел его труп.

– А откуда вы все это знаете, Саша, вы что, успели допросить Кабанова?

– Допросить, не допросить, а так, успел перекинуться, так сказать парой слов с Кабановым.

– Проявили, так сказать, инициативу. Вообще-то, инициатива, конечно, наказуема, но в данном случае я думаю вашу инициативу можно простить, – Полозов перекинулся лукавой улыбкой с полковником Царевым, молча наблюдавшим со стороны за этим своеобразным экзаменом.

– Простим, – улыбнулся Царев.

– Хорошо, Саша, – Полозов снова обратился к Савчуку – И откуда же, вы думаете, шел Басов?

– Да ясно откуда, от женщины конечно же!

– А почему именно от женщины?

– А откуда еще, вернее, куда и откуда еще Басов бы ходил пешком, если не к женщине и не от женщины?

– Ну а если, например, какая-нибудь тайная деловая встреча, или что-либо подобное?

– Ни на какую тайную либо явную деловую встречу, или еще куда-то Басов сам бы не пошел – он даже в туалет без охраны, наверное, не пошел бы, а вот к женщине...

– Почему же все-таки именно только к женщине, – продолжал допытываться Полозов, – я, конечно, понимаю, что сам процесс общения с женщиной Басов не стал бы демонстрировать охраннику, но почему бы, например, Басову не приказать шоферу подъехать к подъезду дома, где его женщина живет?

– Много причин, – ответил Савчук. – Главная из которых – это не желание компрометировать ни себя самого, ни эту женщину. Басов ведь все-таки, как-никак, человек женатый, вполне возможно, что и женщина эта не свободна. Ну и много еще можно привести доводов...

– Ладно, – наконец согласился с ним Полозов, – хватит с этим вопросом.

– Тем более, – добавил наконец Савчук, – что, откуда именно шел Басов, наверняка знает его шофер Кабанов.

– Почему?

– Да потому, что он пошел встречать Басова именно сюда, именно в эту сторону, а не куда-то.

– Правильно, – удовлетворенно согласился Полозов, – правильно, молодец Саша, давайте дальше.

– Шел, значит, Басов оттуда посреди улицы, – продолжил Савчук.

– Почему именно посреди улицы?

– Во-первых, Басов Леонид Антонович, ранее известный как Лёнька Туз, вообще был парнем центровым и не стал бы жаться по обочинам, ну это причина, так сказать, психологическая, второстепенная, не главная, есть и еще несколько таких, такого рода причин...

– Ну а главная?

– А главная причина, почему Басов шел посреди улицы – это опять же в том, что Басов был парнем не только центровым, но и ушлым в вопросах безопасного хождения по ночным

улицам, Басов не стал бы идти ночью по тротуару близ домов из-за опасности подвергнуться внезапному нападению из какого-нибудь подъезда – идя посреди улицы он всегда успел бы среагировать на такую опасность и успел бы ее отразить.

– Хорошо, принимается, – снова согласился Полозов с доводами Савчука, – шел Басов посреди улицы, и что из этого следует?

– А следует из этого то, что человек, напавший на Басова был хорошо знакомым Басову человеком, возможно, даже близким человеком, возможно даже у них была назначена здесь встреча, тут Савчук остановился и улыбнулся. – Ну это я, наверное, уже перебрал насчет встречи, но главное в том, что напавший на Басова был хорошо ему знакомым.

– А вот это уже интересно, – на лице Полозова возникло выражение неподдельного удивления. – Вот с этого места, и поподробнее, пожалуйста.

– Пожалуйста, – голос Савчука становился все увереннее. – Как я уже говорил, шел Басов посреди улицы, тут же посреди улицы он и лежит сейчас, только тело его лежит не вдоль улицы, а поперек ее, то есть Басов перед смертью остановился посреди улицы и повернулся лицом вон туда, – показал Савчук на подъезд дома, открытыми дверями выходящий на улицу прямо против убитого Басова, лежавшего ногами в направлении этого подъезда, – оттуда убийца Басова и вышел. Вышел и окликнул Басова, когда тот поравнялся с этим подъездом, если бы убийца окликнул Басова, выйдя из подъезда, раньше, чем Басов поравнялся с подъездом, то Басов, узнав в этом убийце знакомого человека, свернул бы с центра улицы и пошел бы навстречу своему убийце к тем дверям, и лежал бы тогда сейчас труп Басова где-то возле тех дверей, во всяком случае не посреди улицы, где он лежит сейчас.

– Это понятно, но почему это все же был знакомый Басова? Может быть, это был просто наемный киллер, – чувствовалось, конечно, что Полозов все сам уже понял, но тем не менее педагогическая заинтересованность ему удавалась.

– Да нет же, – с искренней запальчивостью спорщика выпалил Савчук, – тут ведь хватит всего лишь одного довода, который поставит все на свои места – Басов ведь убит ножом, а у самого Басова наверняка был с собой пистолет, не может такого быть, чтобы Басов шел ночью один по улице без пистолета, Басов даже в более безопасных ситуациях никогда не расставался с пистолетом, травматическим правда, но стрелком Басов был отличным, так что незнакомца на расстояние удара ножом ни за что бы не допустил.

– Ну что же, эту версию мы можем проверить прямо сейчас, не отходя, так сказать, от кассы, – сказал Полозов и сделал осторожный шаг в сторону Басова, – сейчас мы проверим наличие оружия у бывшего гражданина Басова.

– Одну секунду, – поднял предостерегающе руку Савчук, – если пистолет сейчас при Басове, то убийца был неопытным, может быть, впервые решившимся на преступление человеком, а если пистолета в данный момент нет при Басове, то убийца, соответственно, опытный киллер, забравший у Басова пистолет и таким образом скрывший тот факт, что Басов не воспользовался оружием, а значит знал убийцу. Но пистолет у Басова был обязательно, признаки наличия пистолета мы все равно обнаружим то ли в виде наличия кобуры, то ли в виде остатков смазки на одежде Басова.

– Сейчас проверим, – Полозов осторожно подошел к труп Басова, ступая таким образом, чтобы не вступить ногой в растекшуюся из-под Басова кровь, наклонился над мертвым и тыльной стороной правой руки осторожно ощупал мощный торс Басова, прикрытый синим костюмом. – Да-а-а, – произнес задумчиво майор, еще раз внимательно окинув взглядом дородное, могучее тело Басова, – пистолет сейчас при Басове, пистолет заткнут за пояс брюк спереди, а под мышкой у гражданина Басова находится и пустая кобура.

– То есть, – поспешил объяснить ситуацию Савчук, – либо Басов сразу же, выйдя от своей женщины, вынул пистолет из кобуры и засунул его за пояс, приготовившись таким образом отразить любую возможную опасность во время предстоящей ему прогулки, либо уже тут,

на месте, увидев или услышав окликнувшего его человека, вынул на всякий случай пистолет из кобуры, но узнав окликнувшего его, засунул пистолет за пояс – но в любом случае, как бы то там ни было, вооруженный Басов не дал бы себя зарезать незнакомому человеку, пиджак у Басова, как видите, расстегнут, – все трое внимательно посмотрели снова на Басова: пиджак у Басова был расстегнут, а значит, ничего не мешало Басову воспользоваться оружием. – Но, – резко оборвал Савчук повисшую паузу, – если бы Басов был даже без пистолета, то и в таком случае он не позволил бы себя зарезать ножом, вы только посмотрите на него, – глядя на Басова, Савчук сделал жест рукой, как будто взвешивая этой рукой камень, очевидно, подчеркивая этим жестом внушительность атлетического телосложения Басова – под два метра ростом, косая сажень в плечах с мощными тренированными мышцами, Басов действительно выглядел богатырем (бывшим, конечно, богатырем) даже в сравнении с высоким и крупным Савчуком. – Ведь кроме того, что Басов сам по себе был просто мощным мужиком, – продолжил Савчук, – Басов имел большой опыт уличных драк, а на зоне активно занимался спортом, тренируясь под руководством сидевших вместе с ним мастеров восточных единоборств, так что даже безоружный Басов – это... – внушительно покачал головой Савчук.

– Вы, Саша, так рассказываете о Басове, как будто бы специально занимались изучением его биографии, – посмотрел Полозов на Савчука.

– А как же, обязательно знаю, и не только биографию Басова, но и вкратце знаю жизненный путь, привычки, увлечения многих представителей криминального, полукриминального мира, представителей малого, среднего и крупного бизнеса, чиновников нашего города, да и не только нашего города – это ведь сыскарю необходимо знать так же, как, например, геологу надо знать названия и свойства полезных ископаемых... Вот, например, Компанеец Игорь Степанович, бывший друг, а потом конкурент Басова...

– Ладно, ладно, – остановил рвение лейтенанта Полозов, – я вижу, что вы, наверное, держите под контролем не только ситуацию в нашем родном городе, но также и в общемировом масштабе...

– А как же, – не заметил иронии в словах майора Савчук, – ведь международная экономическая, криминогенная, политическая ситуация во многом влияет...

– Ладно, ладно, – снова остановил Савчука Полозов, – я вижу, что ваша ближайшая цель, Саша, если судить по вашим обширным знаниям – это работа в Интерполе.

– Ну-у-у... – ничтоже сумняшеся улыбнулся Савчук.

– Но вернемся к нашим родным пенатам, – решил Полозов прервать лирическое отступление, – итак... – движением руки он словно бы передал слово лейтенанту.

– Итак, Басов дал себя зарезать, не сопротивляясь убийце, который вместе с тем, что был знакомым Басова, обладал еще некоторыми противоречивыми качествами... Наряду с тем, что он был, как мы уже выяснили, человеком неопытным в совершении преступлений, убийца, в то же время был опытным и умелым в обращении с ножом – удар, как видно, нанесен умелой и твердой рукой прямо в сердце, после чего наступила мгновенная смерть, что в данном случае очень важно, поскольку, не нанеси убийца мгновенно смертельный удар, кто знает, как бы повернулось дело, учитывая вышеизложенные возможности, физические возможности Басова.

– Как же это могло соединиться в одном человеке: опытен во владении оружием, но неопытен в совершении преступлений? – спросил Полозов.

– Может быть профессия, – раздумчиво произнес Савчук, – например, циркач, знаете, как они там ножи бросают, или там, например, военный, десантник, или просто какой-нибудь спортсмен... Да мало ли... К этому можно добавить разве еще то, что нож, судя по ране был с узким, длинным лезвием, может выкидуха...

– Ну что же неплохо, очень даже не плохо, – произнес, потирая руки, явно повеселевший от общения с Савчуком, Полозов. – Давайте тогда, молодой человек, – положил он по-друже-

ски руку на плечо лейтенанта, – подведем, так сказать, черту под нашими размышлениями, набросаем в общих чертах картину произошедшей здесь драмы.

– Дело, в общем, было так, – собрался с мыслями Савчук. – Вчера вечером Федор Кабанов привез своего хозяина Леонида Басова на свидание с женщиной, Басов вышел из машины неподалеку, с другой стороны вон того дома, – показал Савчук в сторону дома, к которому шел Басов, – потом Басов прошел через проходной двор этого дома, вышел на эту улицу, ведущую к дому его женщины, перед этим приказав Федору Кабанову ждать на том же самом месте ровно в три часа ночи, когда Басов намеревался вернуться со свидания на то самое место, где он вышел из машины вечером. Любовница Басова, очевидно, живет тут неподалеку; пробыв у нее определенное количество времени, Басов приблизительно без десяти минут три вышел от нее, чтобы ровно в три часа быть возле приехавшей за ним машины – человек Басов был пунктуальный. Шел Басов посреди улицы, шел себе, как вдруг, не доходя до места своей ночной прогулки, он услышал окликнувший его голос, например: «Лёня!» – или что-то в этом роде. Басов повернулся в сторону вон тех дверей подъезда, откуда послышался оклик, оттуда вышел какой-то человек, Басов либо выхватил из кобуры свой пистолет, либо хотел уже его вытаскивать из-за пояса, как из темноты послышалось: «Да это я, такой-то, такой-то...», – Басов засунул пистолет за пояс. Убийца подошел к Басову и ударил его ножом...

– Стоп, стоп, стоп, – поднял руку Полозов, – легко сказать – подошел и ударил ножом, принимая во внимание бойцовские качества Басова, будь его убийца хоть трижды знакомым Басова, вот так вот просто подойти среди ночи и ударить ножом... Тут мы что-то не додумали... Что-то тут немного не клеится...

– Может быть дело было так, – Савчук потер подбородок рукой. – Незнакомец окликнул Басова: «Лёня, это я, такой-то, такой-то, я пришел сюда по очень важному делу, не удивляйся, но я должен тебя предупредить об очень большой опасности, не спрашивай, откуда об этом известно мне, потом я тебе расскажу, но я узнал, что твоим врагам стало известно, что тебя сегодня ночью за тем вон домом будет ждать на машине Федя Кабанов, и твои враги сделали на тебя засаду во дворе того вон дома», – произносил этот монолог, убийца подходил все ближе и ближе к Басову, а подойдя вплотную, начал показывать Басову и объяснять, где именно, по его сведениям, будет находиться засада, Басов отвлекся, посмотрел в сторону, убийца этим воспользовался, незаметно вытащил нож и молниеносно нанес смертельный удар!..

– Что же, звучит хотя и немного литературно, но тем не менее довольно правдоподобно, – согласился Полозов, – по крайней мере, как версию можно вполне принять.

– Тем более, что, – продолжил Савчук, – о том, что удар для Басова был неожиданностью, свидетельствует еще и тот факт, что Басов во время встречи курил себе спокойно сигарету, вот, окурочок лежит возле его левой руки, – показал Савчук на выпавший из окоченевшей левой руки окурочок, – если бы Басов почувствовал опасность, или готовился к защите, то он наверняка бы отбросил сигарету, но сигарета оставалась в левой руке Басова до самого конца, и только лишь когда он замертво упал и мышцы его расслабились, то сигарета выпала из его руки и уже на асфальте догорела до фильтра, кстати, судя по количеству пепла, сигарета, выпав из рук Басова, была еще очень длинной, может быть, Басов ее как только что прикуривал, может быть как раз это Басова и отвлекло и дало возможность убийце ударить Басова ножом... Кроме того, – продолжал Савчук, не давая себя остановить, – Басов во все это время общения со своим убийцей никуда не двигался ни до удара ножом, ни во время удара, ни после, Басов как стоял во время разговора со своим убийцей, так же и остался стоять после удара ножом, словно бы прирос от неожиданности к асфальту, потом ноги у Басова подломились, он присел, – Савчук тоже немного присел, увлекшись и как бы демонстрируя падение Басова, – оперся на правое колено, правое колено у него в пыли, потом оперся на правую руку, правая рука у него тоже в пыли, в левой он машинально все еще держал сигарету, потом завалился на спину, мышцы его расслабились, он раскинул руки, немного вытянулись его подогнутые

ноги – и так вот он и лежит до сих пор... – закончил Савчук, многозначительно показывая рукой в сторону трупа, словно бы это именно благодаря рассказу Савчука мертвый Басов лежал именно так, как он лежал, а не иначе. – Вот это, собственно, и все! – самодовольно расправив плечи, завершил Савчук, словно бы поставив жирную точку в своих раздумьях, но тут же более смиренным голосом добавил: – Наверное, все... – словно бы заменив гордую безапелляционность жирной точки скромным многоточием. Наверное, с высоты, на которую Савчук гордо вознес свою голову, слишком отчетливо стали видны звезды на погонах Царева.

– Ну что же, – похлопал рукой по плечу Савчука Полозов, – неплохо, очень даже неплохо, – и, повернувшись к Цареву, он, незаметно для Савчука, весомо продемонстрировал полковнику сжатый кулак с характерно оттопыренным кверху большим пальцем. – Я бы даже сказал здорово, – видно было, что от тягостного настроения, с утра гнетившего майора Полозова, не осталось и следа – азартный блеск в глазах молодого, рвущегося в бой Савчука, сила мысли, сообразительность, наконец, талантливость лейтенанта, словно восходящее в это утро жаркое солнце, рассеяли хмурость майора. – Да-а-а, денек сегодня будет жаркий, – весело сказал Полозов, беря под руку Савчука и Царева, в минуты душевной оттепели у Полозова всегда особо остро просыпались дружеские чувства к полковнику Цареву, бывшему не только начальником, но и старым добрым приятелем Полозова, – да, собственно, уже начало припаривать, – посмотрел майор на небо, где солнце над горизонтом подбилось уже довольно высоко. – Да-а-а, долгонько же мы тут уже философствуем, скоро уже будет жарко, пора бы уж нам прятаться в тенечек, пора найти местечко попрохладнее, поедем ка, Саша, сейчас, наверное, к гражданину Кабанову Федору, потом к неутешной вдове Басова, ну и так далее, и так далее, и тому подобное: там, родственники, друзья, сотрудники, партнеры и конкуренты Басова, друзья его родственников, родственники его друзей – одним словом, в соответствии с кодексом нашей профессии, мы должны перелопатить гору этого хлама, чтобы добыть хотя бы крупицу истины. Сейчас мы узнаем местонахождения Кабанова и поедем поговорим с ним, пробежку совершать мы с тобой, Саша, не будем, хоть это и полезно для здоровья, но полезно в умеренных количествах, так что мы воспользуемся моим «жигуленком», моей родной «копеечкой», приобретенной еще в те времена, когда на свою зарплату я мог позволить себе такую роскошь, как «Жигули» первой модели, надеюсь, что ты, Саша, доживешь еще до тех времен, когда сможешь на свою зарплату приобрести «Мерседес», – обычно угрюмый и молчаливый Полозов в минуты радости, что случалось с ним все реже и реже, становился доброжелательно словоохотлив, видно было, что Полозов был счастлив от перспективы поработать с Савчуком, полковник Царев прекрасно понимал своего друга и был рад наблюдать его душевный подъем.

– А, может быть, пересечемся еще и с параллельной прокуратурой хоть на секунду, – предложил Царев.

– Да нет, – отшутился Полозов, – постараемся все же пересечение параллельных перенести в область бесконечности.

– Постараемся, но как это нам удастся...

– А скажи-ка ты мне лучше, товарищ полковник, – в том же шутовском тоне продолжил Полозов, – почему у Басова было погнало Туз, почему, например, не Бас, Басов – Бас?

– Ну не знаю, – улыбнувшись, пожал плечами Царев, – давай об этом спросим у нашего юного друга, он же у нас ходячая картотека...

– Я думаю, потому, – подхватил слова Царева Савчук, не дав тому закончить, – потому, что у Басова, несмотря на его внушительные размеры, голос был деликатно-нежный, почти фальцет, так что кликуху Бас, он мог бы воспринять скорее как оскорбление.

– Вот видишь почему, – прищелкнул пальцами Царев.

– Да-а-а... – развел руками Полозов, – нечего сказать, ходячая энциклопедия, том девятый, страница тридцатая... А скажи-ка тогда, Саша, почему, например, у Федора Кабанова прозвище Федюня, а не Кабан.

– Давай на этот вопрос попробую ответить я, – вызвался Царев, – я думаю, что Кабанов не Кабан, а Федюня по той же самой причине, что и Басов Туз, а не Бас, только наоборот...

– То есть, у Кабанова тоже голос, только наоборот, бас что ли, но причем тут Кабан, – улыбнулся Полозов.

– Да нет, я имел в виду, что Басов Туз, а не Бас, потому что голос его слишком не схож с басом, а Кабанов Федюня, а не Кабан, по тому что, наоборот, слишком похож с виду на кабана, и тому, кто назвал бы Федюню Кабаном, я бы не позавидовал.

– А вот интересно, как бы, например, назвали меня, я имею в виду, какое бы мне дали поганяло, если бы я оказался в компании Туза, Федюни... – в глазах Полозова вспыхнула игристая лукавость.

– Наверное, Полоз, – в том же духе сделал предположение Царев. – В смысле Гад? – прищурил один глаз Полозов.

– В смысле Змий! – робко-восторженно, но тоже с лукавинкой завершил эти своеобразные филологические исследования Савчук.

3.

Федор Кабанов, водитель и телохранитель Басова, жил в том же микрорайоне, где нашли мертвым Басова, но дом Кабанова находился в стороне, противоположной к месту гибели его, Кабанова, хозяина. Так что, немного проплутав по проулкам Даниловки, Полозов и Савчук на «Жигуленке» выехали на улицу Комсомольскую, где в типовой многоэтажке под номером «семь» и проживал Федор Кабанов.

Не прошло и двадцати минут, как после настырного надавливания кнопки входного звонка, сопровождаемого таким же настырным звоном внутри квартиры Кабанова, Полозов и Савчук услышали из-за двери грузное шарканье и чертыханье в коридоре, после чего к дверному глазку кто-то надолго привалился.

– Федор Кабанов здесь живет? – прервал, нависшую после начала наблюдений из глазка, тишину Полозов.

– А кто там? – в свою очередь спросил грубым мужским голосом кто-то из-за двери.

– Милиция! – достал Полозов свою красную корочку и показал ее в развернутом виде в глазок. – Майор Полозов, может, слышали?

– Кто-кто?..

– Почтальон Печкин, – пробурчал себе под нос Савчук.

Между тем за дверью послышалось щелканье замка, сопровождаемое нецензурным аккомпанементом хриплого баса, и дверь немного приотворилась. Послышались удаляющиеся шаркающие шаги... Полозов толкнул дверь, распахнув ее настежь, и успел увидеть удаляющуюся в глубь коридора грузную мужскую фигуру, скрывающуюся на кухне. Полозов и Савчук зашли в квартиру, притворив за собой дверь, и вслед за мужчиной прошли на кухню. На кухне им в нос сразу же ударил запах свежеразлитой водки, смешанный с крутым перегаром, что было и не удивительно, поскольку на столе стояло две откупоренные бутылки водки, одна из которых была пустой, а другая наполовину полной, рядом с бутылками лежал опрокинутый стакан, и разлитая водка заунывно капала со стола на пол. И хозяина опрокинутого стакана, казалось, совершенно не интересует столь неэффективное расходование столь ценного продукта, как водка, – толстый огромный мужчина сидел на табурете возле стола, безнадежно согнув свою мощную широкую спину, равнодушно опустив руки на колени и склонив голову на грудь. Сидящий действительно на первый взгляд сильно походил на кабана, из чего Полозов сделала вывод, что перед ним сидит именно хозяин квартиры.

– Федор Кабанов? – спросил Полозов и при мысли о том, что не знает отчества Кабанова, понял, что не подготовился к разговору с Кабановым, как он всегда это делал, изучая все возможные подробности жизни человека, с которым предстояла беседа: «Ай – я – я – й!.. Старе-

ешь, майор», – подумал про себя Полозов и взглянул на Савчука, подсознательная надежда на знания которого, очевидно, и сыграла с майором шутку.

– Федор Федорович Кабанов, – словно бы поняв затруднение майора, а заодно и подтвердив свое всезнайство, констатировал Савчук.

– Ну я, – с некоторым сомнением в голосе произнес сидевший на табурете, для которого Федор Федорович Кабанов вместо привычного Федюня звучало действительно несколько необычно, и начал медленно поднимать коротко остриженную голову.

– Я, я Кабанов, – уже более уверенно, хотя и заплетающимся голосом, произнес он, подняв свое крупное небритое лицо с большим сломанным носом, мощной челюстью и глубоко спрятанными под низким и узким лбом глазами.

– Вы шофер Леонида Басова, то есть, бывший шофер и охранник убитого этой ночью Леонида Антоновича Басова? – спросил Полозов.

– Друг я ему, – задумчиво поправил Полозова Кабанов и печально добавил: – был...

– Ну а если друг, то не был, а есть и всегда будешь другом, а значит, тем более должен помочь нам разобраться в причинах гибели твоего, как ты говоришь, друга.

– Никому я ничего не должен, – буркнул Кабанов.

– Федь, не ершишься, – подошел ближе к Кабанову Полозов. – Ты что, хочешь чтобы убийцы твоего друга спокойненько гуляли себе на воле и посмеивались?

– Я их погуляю, я их посмеюся, – стукнул сжатыми кулаками по столу Кабанов так что бутылки и стакан, подскочив, звякнули. – Я их своими руками передешу.

– Не обольщайся, Федя, – спокойно произнес Полозов, – если они не побоялись замочить самого Туза, то я, думаю, что это организация солидная и самому тебе тут нечего ловить, они прихлопнут тебя как муху, если заподозрят тебя хоть на миг. Сейчас ведь тебе не былые времена, когда все было четко по понятиям. Сейчас группировки растут, как грибы после дождя, получают крышу на самом верху, дают, мочат, опускают конкурентов, и им наплевать на твои понятия.

– Так это же беспредел, – снова стукнул кулаком по столу Кабанов.

– Ну-у-у... – развел руками Полозов. – Так что, если и может кто-то попытаться наказать убийц Басова, то это только государство с его милицией, прокуратурой и так далее. А государство сейчас представляю я, а меня ты знаешь...

– Угу-у-у... – промычал Кабанов, взглянув из-под лба на майора.

– Я бы мог, конечно, вызвать тебя повесткой, предупредить об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, но, как видишь, я сам к тебе пришел, вернее, мы с лейтенантом, – кивнул Полозов в сторону Савчука, – пришли к тебе, и, заметь, никаких протоколов, просто пришли поговорить, потому, что прекрасно понимаем твое состояние, потому, что цели наши с тобой в данном случае совпадают, мы должны наказать убийц твоего друга. Да и в конце концов, я ведь не склоняю тебя сдать или заложить кого-нибудь, я ведь прекрасно понимаю к кому я пришел, я прошу тебя просто рассказать мне о жизни твоего друга и больше ничего, иначе я, как сам понимаешь, не смогу поймать убийц. Да и ты сам ведь будешь решать, отвечать на мои вопросы или нет – захочешь ответишь, захочешь не ответишь. Так что, получится у нас разговор?

– Давай поговорим, – Кабанов взял бутылку с водкой и, прищурившись, словно, прицеливаясь, налил себе в стакан, – тебе не предлагаю, ты на службе, понимаю, – и одним махом проглотил полстакана.

– Ну что ж, тогда давай поговорим, – Полозов взял свободный табурет, поставил его поближе к столу и сел, показав на другой табурет Савчуку, который тоже сел, но поближе к дверям. – Итак, – облокотился Полозов на стол, – во сколько ты высадил Басова возле того самого дома, где потом ждал его в три часа ночи?

– А откуда ты знаешь где я его высадил, – удивился Кабанов, – а-а, наверно, бабушки на лавочках рассказали, так почему они тебе не сказали во сколько я его высадил? Ну да ладно, часов в семь я его высадил.

– Ну а пошел он сразу к своей бабе, или еще куда-то заходил перед этим?

– Да нет, никуда не заходил, сразу напрямиком к ней и побежал. То есть, – спохватился Федюня, – ты то откуда знаешь, что он к бабе своей побежал? Что, тоже старушки на лавочках? Хотя они-то откуда могли знать? – передернул он плечами.

– Федь, не забивай себе глупостями голову. Кое-что знаю, кое о чем догадываюсь, кое-что хочу перепроверить, кое в чем убедиться, тебе то это зачем? Давай так, вопросы, в основном, буду задавать я, а ты будешь на них отвечать. Ну, если захочешь, конечно, задать вопрос, то задавай, только не надо таких вот глупых вопросов.

– Ладно, – махнул рукой Федюня.

– Так кто она, эта Лёнина баба?

– А ты что, не знаешь?

– Федя, мы же договорились.

– Кто-кто, секретарша его, кто же еще. Секретарша Танька.

– Понятно, секретарша Танька, классическое, так сказать, прелюбодеяние.

– Что, что?

– Я говорю, начальник и его секретарша, классический адюльтер.

– Ага, теперь еще понятней, наверно, я все-таки мало выпил, – взглянул Кабанов из-под лба на бутылку.

– Нет, нет, Федя, я думаю, пока что тебе хватит, а то мы наш разговор так и не завершим. Я тебе объясню популярнее. Вот ты говоришь, секретарша Басова была его любовницей, но ведь Басов у нас человек женатый, или как?

– Ну да, женат вообще-то, хотя...

– Хотя что?

– Наверяд ли это можно назвать семьей.

– И тем не менее, как же все таки смотрела жена Басова на его похождения?

– Кто, Лариска? – метнул удивленный взгляд Кабанов.

– Лариска – это жена Басова?

– Ну да, жена, – Кабанов посмотрел в окно и его, осветившееся солнечным светом лицо вдруг приобрело саркастическое выражение, постепенно перешедшее в какую-то романтическую задумчивость.

– Так как же жена Басова смотрела на похождения своего мужа? – вывел Кабанова из задумчивости Полозов.

– Не понял, – встряхнул головой Федя.

– Жена Басова как смотрела на его похождения?

– Нормально смотрела. Я же говорю, что у них семья то была – одно название, а не семья. Свободная любовь. Нет, когда Лёнька на Лариске женился, у них конечно все это было: любовь там, страсть, и все такое. Но как-то оно сейчас все это быстро проходит, привыкается, приедается; надоедает что ли... – Кабанов снова задумался.

– И как же у них сейчас, – снова напомнил ему о разговоре Полозов.

– А сейчас каждый из них живет своей, в смысле любви, жизнью.

– И никто никого не ревнует?

– Абсолютно, ничуть. Обоих устраивает такая жизнь.

– Да что это мы говорим, – опомнился Полозов, – «живут», «обоих устраивает», как будто одного из них не убили.

– Вот именно, – потупился Кабанов.

– И что же их держало вместе, деньги? – возвратил Полозов разговор в прежнее русло.

– Может, и деньги, но только не жадность к деньгам. Лёня и Лариса ведь работали в бизнесе вместе, дружно. Да Лариса и до ее замужества имела свое собственное дело. Так что, в случае развода, я думаю, они поделили бы капитал по справедливости, не ссорясь. Тем более, что Лёня уже ведь был разведен ранее, и своей первой жене Светке после развода выделил немалые деньги, хотя Светка, в отличие от Ларисы, не имела ни малейшего понятия о том, где они берутся, эти самые деньги.

– Так что, держало Басова и его жену вместе только это вот деловое сотрудничество, так сказать, своеобразная дружба, и все?

– Конечно, и это, но это не главное.

– А что же главное?

– Главное – сын Лени от первого брака, Славик.

– То есть, сын Басова и его первой жены Светланы? Но при чем же тут его вторая жена Лариса? – недоуменно посмотрел Полозов на Кабанова.

– Лариса то тут как раз и при чем, а вот Светка как раз то и не при чем. Светка, она как только родила Славика, так и спихнула его на руки нанятой няне, а сама только и знала что по парикмахерским да магазинам бегать, да задницей перед чужими мужиками вертеть, хотя Лёня в своем сыне души не чаял. Так что прожили они не так уж и долго вместе, и Славик так и не успел еще понять кем ему, собственно, приходилась эта рыжая вертихвостка, родившая его. А Лариса, она детей вообще любит, и когда вышла замуж за Леню, Славика сразу приняла как собственного сына, хотела ему еще подарить братика или сестричку, забеременела, но беременность на третьем месяце сорвалась, что-то там у нее случилось по-женскому, и врачи сказали что детей у нее уже не будет. Так что Славик для Ларисы стал, можно сказать, единственным сыном на всю жизнь, и привязалась она к нему как... Ну в общем, полюбила она Славика больше чем саму себя.

– А Басов?

– А что Басов? Леня, он хоть, конечно, души в сыне не чаял, но мужик, он и есть мужик, по бабам начал сваливать от Ларисы. Ну тут Лариса, не будь душой, и себе давай по мужикам. При чем якшалась она с этими мужиками на зло Лёньке. Они ей, эти мужики, и нафиг не нужны были, а вот на зло Лёньке... Началось из того, что вот Лёнька с какой-то бабой переспит, а Лариса и себе, разыщет мужа этой самой бабы, с которой Лёнька-то переспал, и с мужем этой самой бабы переспит на зло Лёньке, да наутро Лёньке же и расскажет во всех подробностях о своих подвигах.

– И что же он?

– Он сначала было бушевал, грозился. А Ларисе и дела мало – чуть что, она Лёньке сразу о разводе, давай, говорит разводиться, или, если хочешь жить вместе, то я тебе изменять не буду, но и ты тоже завязывай со своими бабами. Лёнька бывало давал слово больше не гулять, но долго не выдерживал, и все повторялось снова.

– А развестись не пробовали?

– Да нет, куда там. А как же Славик? Он ведь, Славик-то, к Ларисе привязался, как к собственной матери, даже больше, сильнее чем к родной матери привязался, что ты с этим поделишь? Лариса так и говорила, когда разговор заходил о разводе, говорила, что Славика она в таком разе заберет с собой.

– А Славик?

– А что Славик? Дите ведь еще, мало что еще понимал в этих отношениях между взрослыми, хотя кое-что уже соображал, и по большому счету мачеха ему была ближе и роднее, чем родной отец, и в случае развода, Славик, конечно же, не против был бы остаться с Ларисой, само собой, встречаясь иногда со своим отцом, тем более, что Славик и так-то не очень уж и часто видел своего родного отца, у Лёньки все дела да бабы. Так вот все и решили оставить на своих местах. Так и жили.

– Ну что же, с официальной любовью все более-менее понятно, – сказал Полозов, – осталось только кое-что выяснить о любви запретной. Кто такая у нас секретарша Танька, как долго она уже работает, то есть, работала у Басова, как долго являлась его любовницей? ФИО Таньки?

– Чего?

– Фамилия, имя, отчество секретарши Басова?

– Танька?.. – Задумался Кабанов. – Станкевич, кажется, ее фамилия, но это, по-моему, фамилия ее мужа?..

– А она замужем?

– Да что-то в этом роде. Была замужем. Разошлись с мужем, но официально, кажется, не разведены до сих пор. Так что, по паспорту она и сейчас замужем. Да Станкевич ее фамилия по мужу. А отчество, – задумался он снова. – Не знаю, не помню... Танька, да и Танька. А работала она у Лёни уже довольно долго, месяцев с четыре, а может и больше она уже работала...

– Это долго? – удивился Полозов.

– Конечно, долго. Прежняя Лёнина секретарша, Надька, так та проработала месяц или полтора и надоела Леньке. Надьку Леня выгнал, и взял Таньку.

– Что значит надоела?

– Да ведь они только так у него назывались секретаршами, а были просто любовницами, Лёня называл их сменными секретаршами, ведь была у нас и постоянная секретарша, Ирина Александровна, она у Лёни работает с незапамятных времен, бухгалтер еще советской школы, а эти, так.

– И где же Басов находил их, этих самых сменных секретарш, чем они занимались у Басова кроме, конечно, удовлетворения его специфических потребностей?

– Где брал? Да везде брал, на улице, в магазинах, на дискотеках, но в основном на конкурсах красоты он их выбирал себе, сам же он и спонсерил, то есть, как это?.. В общем, бабки Лёнька отстегивал на эти самые конкурсы красоты, ну и баб, естественно, выбирал потом там себе. Хотя, эту последнюю, Танька которая, Станкевич, точно не скажу, не знаю точно откуда Лёня ее выцепил. А чем они потом занимались? Да всем понемногу, чай там, кофе поднести, в приемной посидеть, мало ли. А работу всю серьезную выполняла Ирина Александровна, у нее и кабинет свой был, и доступ к Лёне Тузу она имела в любое время суток, ведь по мелочам она его никогда не беспокоила.

– С этой стороны медали все понятно, – немного задумался Полозов. —

А скажи-ка Федя, чем в последнее время занимался Басов, я имею в виду его дела, а не баб, что-нибудь покупал, продавал, строил, давал в долг, брал в долг? С какими партнерами, конкурентами плотно общался? Куда вы с Басовым последний раз ездили перед тем, как ты его отвез к Таньке?

– Много всяких дел было у Лёни, – устало провел рукой по лицу Кабанов. – Не до того мне сейчас, да и что я могу конкретно рассказать обо всех его делах. А ездили мы в последний раз перед Танькой в облдминистрацию, Лёньке надо было по делу к этому самому, в общем, фонд госимущества это, кажется, называется. Хотел Лёня приобрести у государства заводик, вот и хлопотал...

– А какой именно заводик, к кому именно ходил Басов в облдминистрации?

– Какой, к кому? – как бы сам себе задал вопрос Кабанов. – Кто? Какой? – опустил он голову и замолчал. – Не помню я, не знаю, – он быстро налил себе полстакана водки и моментально выпил. – Не знаю, не помню, все, устал я, – опустил он голову на ладони, облокотившись на стол.

Просидев так молча несколько минут, Полозов и Савчук переглянулись и встали.

– Ну ладно, на первый раз, я думаю, достаточно, – обратился Полозов к застывшему в отрешенности Кабанову, – закрой за нами дверь, Федор Федорович, до свидания.

Полозов с Савчуком совсем уж было направились к выходу, как вдруг Полозов, словно вспомнив внезапно о чем-то, повернулся и снова подошел к Кабанову.

– Слышишь, Федор, – немного потормошил Полозов его за плечо, – а жене Басова Ларисе еще не известно о его гибели?

– Да, я уже сказал ей, я ей уже позвонил еще утром, то есть ночью еще я ей сразу позвонил и все рассказал.

– А где она была, вернее где она может быть сейчас? Нам бы с Сашей надо с ней поговорить.

– Она была дома, когда я ей позвонил, но потом сразу же собралась уезжать на свою дачу, на море. Сказала, что сейчас соберется, возьмет Славика и поедет пока подальше, и ей и Славику так будет лучше.

– Ну что ж, тогда пока, счастливо, – окончательно попрощался Полозов с Федором, и они с Савчуком вышли из квартиры.

4.

– Ну как тебе Ленька Басов, – спросил Полозов, подмигнув Савчуку, когда они уже всю мчали на полозовском «Жигуленке» на дачу Басова к его новоиспеченной вдове, – разухабистый барин какой Ленька-купец удалой молодец. Сам себе конкурсы красоты проводит, сам себе на этих конкурсах выбирает временных секретарш, надоевших выбрасывает на улицу, себе выбирает новых. Свободное общество в полном расцвете. Не хотел бы вдруг оказаться на месте Басова? – весело улыбаясь, спросил Полозов. – Тем более что место как раз освобо-дилось.

– Нет, не хотел бы, – более чем серьезно ответил Савчук.

– И это правильно, – тоже посерьезнел Полозов. – Гадость какая.

На некоторое время оба они, задумавшись, замолчали. Слышно было только мерное натужное гудение двигателя, напрягающего свои ветхие силы.

– А как тебе Федя Кабанов? – прервал молчание Полозов.

– Вы имеете в виду те психологические наводки, которыми вы в разговоре с Кабановым подспудно старались выявить его отношение к жене Басова, Ларисе?

– Ничего себе! – Полозов метнул удивленный взгляд в сторону Савчука. – Ты даже это заметил. Не перестаю тебе удивляться. Интересно как тебе это удалось?

– Элементарно, Ватсон, – иронически улыбнулся Савчук, – но не будем отвлекаться от основной темы.

– Хорошо, что же ты, в таком случае, думаешь по этому поводу?

– То, что на лицо действительно явные признаки равнодушия, явное отклонение от нормы в отношении Кабанова к жене его шефа Ларисе.

– Да, я это заметил с первого же упоминания о Ларисе в разговоре с Кабановым, – задумчиво произнес Полозов, – и в последствии еще несколько раз навел его на эту тему, и убедился, что это и вправду так, Федюня наш действительно как то не равнодушен к Ларисе.

– Явное отклонение от нормы.

– Причем явно в положительном направлении отклонение.

– Я бы даже сказал в очень через край положительном, – согласился Савчук, – хотя, конечно, чужая душа – потемки. Да и вообще, какими бы ни были отношения Кабанова к Ларисе Басовой, будь они хоть суперромантическими, что это нам пока что дает, я имею в виду, что это нам дает само по себе?

– Вот именно, само по себе. – уточнил Полозов. – Само по себе это нам, конечно же, ничего не дает. Само по себе отношение Кабанова к Басовой нам ничего не дает. А скажи-ка,

Саша, в качестве ходячей картотеки все, что ты знаешь о Кабанове, кроме, конечно, того, что он был другом Басова и познакомились они в тюрьме.

– А именно?

– Его жизнь до отсидки. Знаешь что-нибудь о ней?

– Да кое-что слышал о правой руке Туза. Да собственно говоря, ничего особенного в биографии Кабанова и нет. Отсидка у него была всего одна, в тюрьму он попал по глупости, по хулиганке. А до того был обыкновенным советским парнем: средняя школа, армия, завод...

– Вот об армии знаешь что-то подробнее?

– Случайно знаю, – улыбнулся Савчук. – Да и как не знать, ведь это, наверное, единственный предмет гордости, я имею в виду официальной, так сказать, гордости Кабанова. Ведь служил он в ВДВ, да еще в каком-то спецподразделении, в разведке, что ли?

– Вот-вот, а что ты там говорил об убийце Басова, о его способности управляться с ножом? Я думаю, более умелого обращения с ножом, чем у Кабанова, навряд ли можно ожидать от кого-нибудь, учитывая его службу в Армии. Да еще мы ведь выяснили, что убийца был близко знаком с Басовым, а был ли более близкий знакомый у Басова, чем Федюня?

– То есть вы хотите сказать, что Кабанов мог убить Басова? – удивился Савчук.

– Суди сам, – пожал плечами Полозов.

– Ну да, так вроде бы все сходится. Но зачем?

– А вот тут вот, как раз и подходит отношение Кабанова к жене своего шефа Ларисе, отношение, которое, само по себе, как мы решили не значит ничего, но в совокупности со всем вышеозначенным может иметь решающее значение.

– Но как могла рука Кабанова подняться на Басова, на своего?..

– Могла, мой друг, еще как могла, – покачал головой Полозов. – Любовь, страсть и так далее, это тебе посильнее всех дружб, всех преданностей благодетелю и тому подобное. Вспомни только Квазимодо с Эсмеральдой.

– Ну вы хватили, Юрий Михайлович, – улыбнулся Савчук. – Эсмеральда! Кабанов что, хотел, убив своего шефа жениться на его вдове и унаследовать все имущество Басова? Но ведь Лариса Басова – это вам не невинно-наивная Эсмеральда, с чего бы ей влюбляться в Кабанова?

– Именно так, именно так, – задумался Полозов. – Лариса далеко не Эсмеральда, и влюбляться ей в Квазимодо Федюню незачем, ей достаточно было того, что Кабанов влюблен в нее, чтобы это понять, Ларисе достаточно было только взглянуть на Федю, а чтобы заставить его сделать что угодно, Ларисе достаточно было взглянуть на Федю ласково.

– А зачем Ларисе надо было заставлять Федю убивать Басова?

– Вот это вопрос. Самое легкое, что можно придумать сразу – Лариса хотела единолично завладеть всеми богатствами Басова. Хотя это, конечно, самое легкое и быстрое решение вопроса. Можно копать и более глубоко. Было бы желание и повод.

– А желание есть? – как-то скептически спросил Савчук.

– Не вижу энтузиазма в твоём вопросе.

– А какой энтузиазм может быть? У Кабанова ведь стопроцентное алиби. Кабанов ведь привез Басова, Кабанов приехал ночью за Басовым, ждал его, нашел труп, сообщил в милицию, вызвал скорую...

– Вот, вот именно, – загадочно улыбнулся Полозов. – Подумай еще...

– Елки-палки, – шлепнул себя по лбу ладонью Савчук, – это ж проще простого. Гениально! И просто, как все гениальное. Он же приехал ночью, он же прошел навстречу Басову, он же убил, он же вызвал милицию и «скорую», он же друг, соратник и верный телохранитель... И кто же на него подумает? А? Как говорят французы, пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает. Гениально.

– Да, гениально, – согласился Полозов. – Но слишком гениально для Кабанова. Слишком.

– Конечно. Кабановым явно руководила чья-то чужая воля. И мы даже знаем чья именно это воля, не так ли Юрий Михайлович, – весело подмигнул Полозову Савчук.

– Ну вот, теперь из тебя погнал энтузиазм как из рога изобилия. Теперь тебе надо бы немного поостыть.

– Не понял, – удивленно возвел брови Саша, – вы же сами...

– Я только показал тебе, как легко можно подвести под любую ситуацию какую угодно, по сути высосанную из пальца, но тем не менее довольно правдоподобную версию.

– Как это высосанную из пальца, ведь...

– Ну а что, по-твоему, все эти наши разглагольствования о роковых страстях Федюни Кабанова и коварстве леди Макбет-Басовой, как не мыльные пузыри и воздушные замки?

– Как же? Ведь все же сходится...

– Не столько сходится, сколько сводится. Нами с тобой сводится к общему знаменателю.

– К какому знаменателю?

– К убийству Басова. Все это, что мы только что с тобой наворотили с Кабановым и Ларисой Басовой, все это ведь только слова и больше ничего, доказательств ведь и фактов никаких, так, одни фантазии.

– Да, конечно, хотя... – нехотя согласился Савчук.

– Хотя все так хорошо складывалось? – улыбнулся Полозов. – Да видишь ли, факты нужны, доказательства, чтобы обосновать все это. Ну ничего, ты не переживай, – похлопал он по плечу задумавшегося Сашу, – мы же как раз сейчас и едем для этого к Ларисе Басовой, не так ли? Мы ведь к ней как раз сейчас и едем, чтобы добыть эти самые факты и доказательства. Так что тебе, как говорится и карты в руки. Собирай доказательную базу под эту нашу версию, может все это как раз именно так и было, как мы только что с тобой нафантазировали. Так что, давай вперед за орденами. Да, к стати, дача Басова, это ведь там, в Восточной бухте?

– Да именно там сейчас обосновалась наша новая, так сказать, элита, – ответил заметно повеселевший Саша. – А Басовскую дачу видать издалека, ведь это скорее не дача, а средневековый замок, есть куда бедной вдове поехать развеять свое горе.

– Да, не смогла она, наверно, утонуть в слезах, узнав трагическую новость, да и поехала топиться в море, безутешная наша. Как ты думаешь?

– Ну это навряд ли.

– Хотя, горе есть горе, не будем об этом шутить.

5.

– Ого! – присвистнул Полозов, выходя из своего «Жигуленка» и приближаясь к воротам дачи Басова. – «Ласточкино гнездо» да и только. Версаль.

– Да-а-а, не плохо живут наши «новые», – добавил в тон Полозову и Савчук, поглядывая на видеокамеры, примостившиеся на заборе, более похожем на крепостную стену, опоясывающую Басовскую дачу, вернее замок, живописно размещившийся на нависшей над морем скале.

– Майор Полозов, уголовный розыск, – показал свое удостоверение Юрий Михайлович вышедшему ему навстречу из калитки охраннику. – Мне срочно нужно поговорить с Ларисой Басовой по поводу убийства ее мужа.

– Одну минуту, – ответил охранник и скрылся за калиткой.

– Да-а-а... – снова окинул взглядом внушительное строение Полозов.

– Проходите пожалуйста, – широко распахнул калитку снова появившийся охранник.

Полозов и Савчук зашли во двор, с любопытством оглядывая живописные изыски строения. А вскорости к ним навстречу направилась молодая женщина, идущая по тропинке, ведущей к морю. На ней был наброшен халат, очевидно прямо на купальный костюм, волосы ее были мокрые – все говорило о том, что она только что из моря.

– Слушаю вас, – деловито сказала она, приблизившись к Полозову с Савчуком.

Среднего роста рыжеволосая женщина лет тридцати явно не страдала комплексом высокомерия, столь часто встречающимся у новоиспеченных миллионеров, не смотря на довольно деловой тон. Ее несколько продолговатое с правильными чертами лицо с большими глазами было очень привлекательно, не смотря на полное отсутствие косметики.

– Майор Полозов, уголовный розыск, – представился Юрий Михайлович.

– Чем обязана? – голос у Ларисы тоже был приятный. – Хотя я, конечно, догадываюсь о причине вашего визита.

– Да, конечно же, это смерть вашего мужа. Преждевременная смерть.

– Кто их знает, времена и сроки, – со спокойной грустью в голосе заметила Лариса, и Полозов не заметил в ее голосе и тени притворства.

– Да. Но вас, как я вижу, это потрясло не катастрофически, извиняюсь, если это прозвучало не очень тактично.

– Да дело не в тактичности. Просто этого следовало ожидать уже давно. Такого я, к стати, и ожидала. Не раз уже была даже уверена, что Лёню уже убили, когда он закатывал куда-нибудь со своими бабами на несколько дней, конечно же, совершенно инкогнито. Так что, я уже, можно сказать, свыклась с мыслью о его смерти, но все равно, конечно, жаль. Такой любитель жизни, и холодный и бездыханный.

– Да, конечно, – Полозов почему-то поверил в то, что Ларисе действительно жаль своего мужа. – А что вы, Лариса, можете сказать о Федоре Кабанове.

– А что можно сказать о Федуне? – немного удивленно посмотрела Басова. – Он и так весь, как на ладони.

– Да, с этим нельзя не согласиться. И все же, как вы думаете, не могла чья либо злая воля использовать Кабанова с помощью какой-либо психологической уловки, например, заставить Федора убить своего шефа.

– Федю? Убить Лёню? – вскинула брови Лариса. – Это вы просто либо совершенно не знаете об отношениях Феде и Лёни, либо просто так это спросили, на всякий случай. Во-первых, Федя вам не Яго, чтобы поддаваться роковым страстям, а во-вторых, Федя и Леня – это ведь... – она развела руками.

– Будем считать, что я это спросил так, на всякий случай, – Полозов, не уловив в ответе и голосе Ларисы и тени притворства, переглянулся с Савчуком и в его взгляде прочел ту же уверенность в правдивости Ларисы, – и все же...

– А что бы вы могли сказать о деловых отношениях своего мужа, Лариса, извиняюсь, как вас по-батюшке? – ворвался внезапно в разговор Савчук. – Вы, я уверен, не в пример некоторым женам бизнесменов, были не только супругой, но и равноправным деловым партнером Басова?

– Лариса Ивановна, – она перевела взгляд с недоумением с Савчука на Полозова.

– Младший лейтенант Савчук, – отрекомендовал его Полозов, указывая на своего коллегу в спортивном костюме, который, очевидно, и вызвал недоумение, – мы с ним вместе ведем расследование.

– Конечно, я по мере сил участвовала в бизнесе Лёни, но были и такие стороны, или, как бы это сказать, области, в которые Лёня не позволил бы вторгаться не то, что мне, но и самому себе пьяному.

– Понятно, – продолжал Савчук. – А вот, например, знаете ли вы что-нибудь о приобретении некоего заводика Басовым у государства, по поводу которого Леонид Антонович хлопотал в последнее время в фонде госимущества? – Савчук переглянулся с Полозовым, который, одобрительно кивнув, выразил полную поддержку Савчуку, как быющему в самую точку.

– А-а-а, Припортовый завод? Вы это, наверное, имеете в виду, – простодушно посмотрела на Савчука Лариса.

– Да-да, именно это я и имею в виду, – поспешил согласиться Савчук, вспомнив, какие нешуточные страсти разгорелись из-за этого самого Припортового завода, когда

бурю подняла сама постановка вопроса о том, чтобы забрать из государственного владения и передать в частные руки завод, приносящий многомиллионную прибыль. Савчук понял, что попал в самую точку.

– Вот Припортовый завод как раз и есть одна из тех областей, в которые Лёня меня не пускал, – сказала Лариса. – Хотя я, конечно, интересовалась этим вопросом. Сами понимаете, такая громадина, как Южноморский Припортовый завод, совсем недавно реконструированный, приносящий многомиллионные прибыли, и вдруг выставляется на приватизацию! Помню, как тогда зашевелились все наши денежные мешки, мешочки, кубышки и кубышечки, да что там наши, международные корпорации с миллиардными годовыми оборотами подали заявки на участие в конкурсе на приватизацию.

– Но, очевидно, что решение о приватизации этого завода было принято не просто так, – вклинился в разговор Полозов, – тут были задействованы влиятельные люди, которые, наверное, и рассчитывали воспользоваться плодами этой само приватизации?

– Вот именно, – согласилась с ним Лариса, – так точно подумала тогда и я, и мое крайнее удивление вызвало то, что в этой приватизации решил принять участие мой Басов. Я даже высказала тогда ему мое изумление его самонадеянным решением и мои большие сомнения относительно результата его усилий, на что он ответил только многозначительной загадочной улыбкой и несколькими словами, значение которых сводилось к тому, чтобы я не совала свой нос не в свои дела. Но мое еще большее удивление и еще большее изумление было связано с тем, что вскоре поползли слухи, что Южноморский Припортовый завод таки будет собственностью моего муженька! Представляете себе!

– С трудом себе можно это представить, – Полозов многозначительно переглянулся с Савчуком.

– Это точно, – продолжила Лариса, – верится в это с трудом, хотя в последнее время слухи эти начали все более и более подтверждаться, а в самые последние дни мой Басов начал в ответ на мои намеки по этому поводу бросать такие весомоснисходительные взгляды в мою сторону и делать такой загадочный вид, что я решила, что если уж Припортовый завод пока что и не в полной и безоговорочной власти моего мужа, то дело наверняка уже решенное и он уже точно станет владельцем этого лакомого куска. Представляете себе?!

– Да-а-а... – Полозов снова взглянул на Савчука.

– Мама, а я тебя ищу, ищу... – осекся на полуслове мальчик, выбежавший из-за угла дома, увидев незнакомых людей.

– Это наш Славик, – представила Лариса прильнувшего к ней мальчика, положив на его светленькую голову руку. – А это дяди из милиции.

Славик с любопытством посмотрел на Полозова с Савчуком.

– Ну что же, всего вам доброго, выражаем вам наше искреннее сочувствие, до свидания, Лариса Ивановна, до свидания, Славик, – Полозов улыбнулся смотревшему с любопытством мальчику.

– До свиданья, дяди из милиции, – ответила Лариса.

– Вот вам мои координаты, – достал из кармана Полозов визитку и дал ее Ларисе, – если что, звоните, всегда буду рад помочь.

– А что, разве возможны, как это у вас говорится, внештатные ситуации?

– В свете событий, в следствие которых, стал необходимым наш к вам сегодняшний визит, все возможно.

– Ну что же, будем, как говорится, на чеку.

– Всегда рад помочь, а помощь майора Полозова пока что еще кое-что значит, – Полозов элегантно склонил голову.

– Всего доброго, – попрощался с Ларисой и Савчук.

6.

– Значит так, – обратился Полозов к Савчуку, когда они, молча, оба задумавшись, проехали уже довольно приличное расстояние от дачи Ларисы Басовой, – я сейчас к Цареву, прояснить ситуацию, а ты, Саша, займись нашей «мисс временная секретарша», этой самой секретаршей Танькой, как там ее, Татьяна...

– Татьяна Станкевич, секретарша и любовница Басова.

– Вот-вот, все, что можно об этой Татьяне, а также о ее муже, как бы это сказать о ее бывшем муже, с которым она, как сказал, Кабанов, не разведена.

– Но, Юрий Михайлович, а какое это может иметь отношение к убийству Басова в свете тех сведений, которые мы получили только что? – Савчук никак не мог отрешиться от раздумий над услышанным только что от Ларисы Басовой. – Мы ведь с вами только что напали, так сказать, на золотую жилу, я имею в виду этот самый Припортовый завод.

– Да, Саша, ты, конечно, прав насчет Припортового завода, это действительно золотая жила, но ведь к этой жиле должны вести и многочисленные прожилки.

– Что вы имеете в виду?

– Вот, например, как мы с тобой допускали, что Федор Кабанов мог быть использован Ларисой Басовой для убийства своего мужа, так мы можем допустить и возможность использования, к примеру, против Басова ревнивого мужа Татьяны или самой Татьяны, перед возможной ее заменой на новую секретаршу, людьми, заинтересованными Припортовым заводом. Как тебе такал возможность?

– Да, действительно, легче, конечно, и эффективнее использовать людей близких к объекту и заинтересованных не только материально, чем простых наемников, готовых в любой момент продать свои услуги врагу за более высокое вознаграждение, – согласился Савчук.

– Вот видишь. Сам все понимаешь. Так что давай, выясни все, что только возможно о Станкевичах, а потом и еще кое-что поближе к нашей золотой жиле, я имею в виду партнеров и соперников Басова по бизнесу, хотя партнеры и соперники в бизнесе – это практически одно и то же.

– Понял. Разрешите исполнять?

– Разрешаю. Одним словом, я тебя сейчас десантирую возле твоего дома, где ты приобретешь внешний вид, более подходящий для работника уголовного розыска, – окинул Полозов ироническим взглядом спортивный костюм Савчука, – и вперед, за орденами. А я, в свою очередь, прямиком в Управление, наведу там еще для себя кое-какие справки, а потом, по мере возможности постараюсь попасть к Цареву. Ну и постараемся с тобой пересечься в Управлении где-то поближе к концу рабочего дня, который у нас, наверное, в ближайшее время будет совпадать с концом астрономического дня, несмотря на довольно поздний в это время года заход солнца.

В Южноморском областном Управлении Внутренних дел Юрия Михайловича Полозова ждал сюрприз: утром во дворе одной из Южноморских многоэтажек были найдены портфель, хотя и совершенно пустой, впоследствии оказавшийся портфелем покойного Басова, и нож с остатками крови на лезвии, впоследствии оказавшийся орудием убийства Басова. находка была сделана местным дворником, который в свою очередь доложил о ней местному участковому, который, в свою очередь доложил об этом дежурному в областном Управлении... И хотя на данных предметах, как и предполагал Полозов, не было обнаружено никаких отпечатков пальцев, все же находка была довольно весомым подспорьем в расследовании: как ни как, о том, что у Басова был портфель, пока что нигде не упоминалось, а это была уже нешуточная зацепка, да и орудие убийства – это вам не что либо как!

Ну а к Цареву Полозов попал уже к концу рабочего дня, который, как Юрий Михайлович и предполагал, совпал с копцом астрономического дня: полковник Царев, как всегда, был нарасхват – то на совещании, то у начальства, то по хозяйственным делам и так далее...

– Наконец-то наши параллельные пересеклись, – устало проговорил Полозов, входя в кабинет Царева и садясь за стол напротив своего начальника. – Ты, как всегда, неуловим.

– Дела, дела, дела... – устало, как и Полозов, ответил Царев, проведя рукой по лицу. – А у тебя как успехи?

– Да есть кое-что, есть. Задел, как говорится, накопили.

– Как Савчук?

– Что тут сказать, – сдвинул плечами майор. – Молодец.

– Вот видишь, я же тебе говорил. А ты... Ну да ладно. К стати, о находке дворника слышал?

– А как же! Портфель и нож. Это уже кое-что.

– Вот видишь, все прямо плывет тебе в руки.

– По щучьему велению, по моему прошению, вещдоки, ступайте ко мне сами? – как-то невесело, с сомнением в голосе произнес Полозов.

– Не понял, ты еще чем-то и недоволен?

– Да не люблю я когда вот так вот все само собой плывет в руки, как-то это не естественно. Как-то, по щучьему не по щучьему, а действительно вроде бы по чьему-то велению, не нравится мне это.

– Ну не знаю, может ты и прав, – задумался и Царев. – Да, к стати, к щучьему велению же, – он наклонился, выдвинул ящик стола, достал оттуда белый бумажный конверт. – Вот! – бросил он пакет на стол.

– Что это? – удивился Полозов.

– Николай Степанович, – не дав Цареву ответить, раздался голос секретарши из селектора, – тут в приемной лейтенант Савчук, он разыскивает майора Полозова, который сейчас как раз у Вас.

– Давай его сюда, – нажал Царев на кнопку. – Вот видишь, опять как по щучьему велению. На ловца, как говорится, и зверь бежит.

– Разрешите, – открыл дверь Савчук.

– Заходи, заходи, ты как раз вовремя, – махнул ему рукой Царев. – Ты о находке вещдоков по делу Басова слышал?

– Портфель и нож?

– Молодец. А вот и еще кое-что, – показал полковник Царев на конверт на столе. Что это такое, я и сам пока что не знаю. Это принесли мне еще до обеда, потом меня вызвали на совещание, и я так о нем и забыл. А история с этим пакетом довольно странная. Принес этот пакет какой-то пацан, отдал его дежурному, сказав при этом, что пакет этот передал какой-то дядька, и пока дежурный рассматривал пакет, пацан этот исчез. Ну а дежурный принес пакет мне, на нем, как видите написано, вернее напечатано, – полковник взял пакет и прочел надпись на конверте, – «К делу об убийстве Басова». Вот так вот, – он снова положил конверт на стол и посмотрел на сидящих напротив Полозова и Савчука. – Что будем с этим делать?

– Как это что? – ответил Полозов, – Вскрывать!

– Так давай, вскрывай, – подвинув конверт Царев к Полозову, – ты ведь ведешь дело Басова.

– Что, товарищ полковник, боитесь, что внутри конверта белый порошок? – улыбнулся Полозов и, вскрыв конверт, вынул оттуда пачку фотографий. – Да это же Лариса Басова! – узнал он женщину на фотографиях: фотографий было всего шесть, и на каждой из них в разных ракурсах была изображена разговаривающая с каким-то мужчиной где-то в парке женщина. –

Лариса Басова с каким-то мужиком, в парке. А вот что за мужик? – передал он фотографии Цареву, оставив себе одну. – Тут и дата и место встречи указаны.

– Да, – взял фотографии Царев, – за три дня до убийства Басова в Октябрьском парке они встречались. – он просмотрел фотографии и, оставив себе одну, передал их Савчуку.

– Да это же Станкевич! – вскрикнул Савчук.

– Какой Станкевич? – почти одновременно спросили Полозов и Царев.

– Станкевич Игорь Борисович, муж, то есть официальный муж, – поправился Савчук, – муж, так сказать, по паспорту, ведь они официально не разведены, официальный муж Татьяны Станкевич, любовницы Леонида Басова. Я ведь по вашему заданию, Юрий Михайлович, почти весь день сегодня этими самыми Станкевичами и занимался.

– Да-а-а, интересно, интересно, – посмотрел на фотографию Царев.

– Вот видишь как полезно в нашем деле покопаться в любовных треугольниках, – обратился к Савчуку Полозов, тоже посмотрев на фотографию, – а ты не хотел ничего и слышать об этом, когда я тебе дал задание заняться семьей Станкевичей, а подавай тебе только международную мафию с Припортовым заводом и все тут.

– А при чем тут Припортовый завод? – спросил Царев.

– Да это отдельная история, это потом, – бросил на стол фотографию Полозов. – А сейчас давай, Саша, рассказывай о Станкевичах и Басове, да поподробнее. Докладывай.

– Значит так, – собрался с мыслями Савчук. – Станкевич Игорь Борисович, двадцать восемь лет, уроженец села Краснова. После окончания средней школы в Краснове уехал в Южноморск, поступил в строительное ПТУ. Большими успехами в учебе не отличался ни в средней школе, ни в ПТУ. В Армию не попал по состоянию здоровья. После окончания ПТУ работал на стройках каменщиком, работал на шабашках, получал неплохие деньги, с помощью родителей, а также и самостоятельно насобирав определенную сумму, купил двухкомнатную квартиру в Южноморске, женился на Татьяне Петровне Волошиной, впоследствии Станкевич. Семейная жизнь не заладилась. Через три года после женитьбы Станкевичи разбежались, вернее Татьяна Станкевич ушла от Игоря и поселилась в общежитии местной швейной фабрики, где и работала, так как квартира была собственностью ее мужа. Хотя официально они не разведены до сих пор. Игорь после размолвки начал пить, работал от случая к случаю, то каменщиком, то разнорабочим; в общем опустился, спился. Татьяна после нескольких романов с холостыми и женатыми мужчинами стала любовницей и секретаршей Басова, хотя злые языки утверждают, что Басов и сейчас не единственный ее любовник. Басов купил Татьяне квартиру на улице Островского, где и посещал ее, как любовник и как начальник, так как во время этих посещений занимался иногда и делами. Станкевич Игорь Борисович неоднократно приходил к Татьяне на ее новую квартиру, в основном сильно и очень сильно пьяным. Ругался, грозился. Басов неоднократно обещал Игоря «врыть», «уделать» и тому подобное, но по просьбе Татьяны угроз своих не исполнил. Вечером накануне убийства Басова, где-то в двадцать часов тридцать минут, Игорь Станкевич, сильно пьяный, снова приходил к Татьяне, стучал в дверь, матерился, пока из квартиры не вышел Басов, находившийся в это время у Татьяны, между ними состоялась короткая словесная перепалка, Басов спустил Станкевича с лестницы и зашел в квартиру. Станкевич еще немного помахал кулаками, пригрозил «замочить» Басова и ушел. Вот, собственно и все. Вкратце, – развел Савчук руками.

– Ничего себе вкратце, – Полозов подмигнул Цареву. – Да столько целая опергруппа за три дня не накопает. Об этом их конфликте последнем с Басовым у соседей, небось, узнал?

– А как же, Александра Дмитриевна Афанасьева, соседка Татьяны по площадке, недрёмное, так сказать, око, вернее дверной глазок. Пенсионерка.

– Понятно. А еще какие источники использовал? – Полозова не покидала педагогическая заинтересованность работой своего ученика.

– Побывал в общежитии швейной фабрики, где раньше работала Татьяна, поговорил с ее бывшими подругами, нашел некоторых ее бывших любовников, поговорил с ее нынешними сослуживцами, побывал даже в селе Краснове, родине Станкевича...

– А туда хоть как ты добрался?

– А у меня мотоцикл есть.

– Ну что, Николай Степанович, – обратился Полозов к Цареву, – как не работать с такими молодцами, а? – на что Царев только улыбнулся. – С заданием вы, товарищ младший лейтенант, справились на отлично. Молодец, что тут говорить. А с самой Татьяной Станкевич ты еще не говорил?

– Нет еще, – ответил Савчук, – решил оставить это мероприятие на потом, когда переговорю с вами, Юрий Михайлович.

– Опять же молодец. Наш будущий разговор с Татьяной мы еще обмозгуем, подумаем с какой стороны подойти к этому разговору и в каком ракурсе его провести. А что касается Игоря Станкевича – с ним ты еще не встречался? – спросил Полозов.

– К сожалению не довелось. По месту проживания, на улице Тракторостроителей двадцать три, квартира шестнадцать, гражданин Станкевич отсутствовал. По словам его соседа, Демьяна Силантьевича Овсянникова...

– Стоп, стоп, стоп! – поднял обе руки вверх Полозов. – Стоп! Николай Степанович, а ну, вызови-ка дежурного, – обратился он к Цареву.

– Зачем? – спросил Царев, но руку положил уже на телефон.

– Боюсь ошибиться, – пояснил майор, – уточни-ка у него, по какому адресу была сделана сегодня дворником эта самая наша находка, я имею в виду портфель и нож.

Царев, не теряя времени, вызвал дежурного, спросил его, и немного подождав, получил ответ, но передал ответ сидевшим рядом Полозову и Савчуку не сразу, а положив трубку, посидел так еще некоторое время.

– Да, – наконец произнес Царев, – как это ни странно, адрес, по которому были обнаружены портфель и нож... Внимание! Улица Тракторостроителей, дом номер двадцать три...

– Гоголь, «Ревизор», – после некоторого молчания произнес Полозов более сам себе, нежели кому-либо за столом.

– Ты имеешь в виду немую сцену? – поддержал разговор и Царев.

– Вот именно. Немая сцена из «Ревизора». – Полозов подумал немного. – А что ты там, Саша, говорил насчет соседа? – спросил Полозов, но тут же передумал. – Нет стой, погоди, дай подумать...

– А что тут думать! – Царев снова посмотрел на фотографию. – Что тут думать. Все ведь сходится, как нельзя более отчетливо. Брать надо Станкевича, да и все. Прокуратура ведь дышит нам в затылок, прокуратура ведь требует жертв, а тут все так сходится.

– Как по щучьему велению? – ответил с улыбкой Полозов. – Я же говорил тебе, что не люблю я этого.

– Люблю, не люблю... – махнул рукой Царев. – К черту лирику! Будем брать Станкевича, а там видно будет.

– Но ведь он дома отсутствует, не так ли, Саша? – обратился к Савчуку Полозов. – И давай сразу, что там тебе говорил сосед Станкевича.

– Так в том то и дело, – выпалил Савчук долго сдерживаемые слова, – что Станкевича дома не было, когда я к нему заходил, и по словам его соседа по лестничной клетке, дома Станкевич не появлялся уже два дня!

– Ну и что? – спокойно сказал Царев. – Ну и что, что его нет дома. Найдем. Объявим план перехвата. Не таких кренделей ловили. Ничего...

– Да как вы не поймете, дело ведь не в этом, – как бы спотыкаясь на словах, в запальчивости старался сформулировать свою мысль Савчук. – Как вы не можете понять!.. При чем тут, поймаем или не поймаем, при чем тут перехват!.. Я же говорю...

– Стой, Саша, погоди, – мягко положил ему руку на плечо Полозов, – спокойно, дай-ка я сам постараюсь объяснить товарищу полковнику...

– Ну давай, давай, – иронически усмехнулся Царев, – растолкуй мне, тупому, старому недотепе, давай...

– Не кипятись, Николай Степанович, – примирительно обратился к нему Полозов. – Тут дело вот в чем. Сосед сказал, что Станкевича нет дома уже два дня, так?

– Ну? – не понял Царев.

– Так кто же тогда принес во двор дома, где живет Станкевич, портфель и нож? Кто, если Станкевича нет дома уже два дня. Или, может быть, Станкевич приходил к себе домой тайно ночью, подбросил сам эти вещдоки себе во двор, а потом снова скрылся – ищите, мол, ветра в поле, – поиграем давайте в прятки, товарищи менты, а?

– Да, как-то тут не очень сходится, – согласился Царев. – А все ведь так хорошо сходилось... Хотя, с другой стороны, на сколько мы можем доверять словам этого соседа, что Станкевича не было дома два дня?

– Вот это да, вот это ты прав, Коля, вот это ты попал в самую точку, – согласился в свою очередь Полозов. – Что ты на это скажешь, Саша?

– Да то, что Станкевич, когда уходил из дому и запирали свою квартиру, ключи от квартиры оставлял своему соседу, Демьяну Силантьевичу Овсяникову, так как сам Станкевич, во-первых, взяв с собой ключи, боялся их потерять, во-вторых, спрятав где-нибудь ключи, боялся забыть, где он их спрятал, что не раз уже и происходило с ним. И хотя в квартире Станкевича, как сами понимаете, взять было практически нечего, бросать квартиру открытой нараспашку он все же не решался, хотя бы уже из-за того, чтобы в его отсутствие в его квартире не поселился кто-нибудь, к примеру, хоть кто-то из друзей-бомжей Станкевича. Таким образом, уйдя два дня назад из дому, заперев перед этим квартиру, и отдав ключи соседу, Станкевич за эти два дня дома больше не появлялся, то есть за ключами к Овсяникову не заходил и ключи эти спокойно себе лежат в столе соседа и ждут хозяина.

– Опять же, – никак не хотел отступать Царев, – может быть, у Станкевича были запасные ключи, или сосед врет...

– А смысл? – ответил Полозов. – Саша, ты видел сам эти ключи?

– Да, конечно, и не только видел, но даже пробовал открывать дверь и открыл. Потом закрыл.

– А что, если он врет, что Станкевич не брал ключ, а на самом деле брал, – не унимался Царев.

– А зачем такие сложности, – понимая настырность Царева, старался убедить его Полозов. – Согласись, что все гораздо легче и проще объясняется, если это подстава. Просто те, кто решил подставить нам Станкевича, как убийцу Басова, не знали о том, что Станкевич, уходя из дому, оставляет ключ своему соседу, и все.

– Не знаю, не знаю, – опустил глаза Царев. – А Станкевича все же будем брать.

– Хорошо, – улыбнулся Полозов, – будем брать, если, конечно, есть что брать на данный момент.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Просто я хочу сказать, что все как-то не очень убедительно вырисовывается, если допустить, что Станкевич – это убийца Басова.

– Давай, давай развивай свою теорию, – умиротворенный согласием Полозова на арест Станкевича, уже более миролюбиво произнес Царев.

– Станкевич приходит к Татьяне, бузит там, как всегда, как всегда пьяный вдрызг; выходит Басов, спускает его с лестницы. Станкевич грозит, как всегда, убить всех. А потом, уже не как всегда, идет в засаду и сидит там четыре часа вдрызг пьяный, раздобыв в это время где-то нож, ждет Басова, хотя наверняка знает, каким именно путем пойдет Басов, он навряд ли мог. Ну а сама сцена убийства? Вы только себе представьте! Идет себе Басов во всеоружии, с пистолетом, трезвый, здоровый, с опытом рукопашного боя, тут выходит на него из-за угла пьяный, тщедушный, если судить по фотографии, Станкевич, который, к стати, только что угрожал Басову убить его, достает свой нож, неизвестно откуда взявшийся, ибо, если бы у Станкевича был нож уже во время их ссоры с Басовым возле квартиры Татьяны, то он непременно бы помахал этим ножом уже тогда, и был бы непременно разоружен. И как вы себе представляете дальнейшее?.. Как именно Станкевич убивал Басова? Мы, кажется, с тобой, Саша, решили, что убийца Басова был мастером владения ножом, а кто у нас Станкевич? В Армии он не служил. По профессии он каменщик. Так что, более логично было бы, если бы Станкевич убил Басова кирпичом, более привычным орудием. Но убить Туза кирпичом!.. – Полозов развел руками.

– Я, конечно, понимаю вашу шутку, но вот тут вы, Юрий Михайлович, извиняюсь, конечно, немного ошибаетесь, – внезапно вторгся в разговор Савчук. – Как я вам уже говорил, я сегодня побывал на родине Станкевича, в селе Краснове, и выяснил, в частности, следующее... – он обвел взглядом присутствующих. – Возможно из-за того, что Станкевич по состоянию здоровья был признан не годным к службе в Армии, ведь это до сих пор считается на селе позорным, или по другим причинам, но Станкевич уже с пятнадцати лет решил отличиться в одном чисто, так сказать, мужском деле, как я уже сказал, что я думаю, чтобы компенсировать свою мужскую неполноценность по части службы в Армии – Станкевич был, как это у них в Краснове называется, «колун» уже с шестнадцати лет!

– Кем, кем он был? – Полозов переглянулся с Царевым.

– Колуном он был, – ответил самодовольно Савчук, – свиней колол, то есть резал, ну и другую живность. А колун – дело прибыльное, с каждой забитой скотины колуну полагается и мяса, и сала, и могорыч, и деньгами... А Станкевич был колуном прекрасным – с одного удара ножом валил кабана, бил сразу прямо в сердце, говорят ни одного промаха за всю карьеру. Так что был наш Станкевич всегда при мясе и при сале. И зачем он только уезжал из села?

– Вот видишь, как все повернулось, – удовлетворенно откинулся на спинку стула Царев. – молодец, Саша, молодец, ничего не скажешь.

– Да ладно, будем брать Станкевича, будем, я же сказал, – добродушно улыбнулся Полозов.

– А, к стати, что это ты там говорил о Припортовом заводе? – поинтересовался Царев.

– Да сегодня утром в разговоре с Ларисой Басовой, женой Басова, выплыло одно весьма интересное обстоятельство, – ответил Полозов. – К стати, с Ларисой нам надо будет снова срочно переговорить, – показал он на фотографию, – насчет ее встречи со Станкевичем. Так вот, выяснилось следующее. Помнишь недавние страсти насчет Припортового завода и его приватизации?

– Конечно помню, – ответил Царев, – только не знаю, как там, все же решили таки его приватизировать или нет?

– Да, решили приватизировать, – ответил Полозов.

– Как так, – удивился Царев, – я все же полагал, что здравый смысл восторжествует. Такая машина, производство налажено, реконструкция произведена за счет государства, и вдруг отдать все это в частные руки. Зачем? – то ли у самого себя, то ли у кого-то спросил Царев.

– Да, но ты еще больше удивишься, – загадочно произнес Полозов, – когда узнаешь, что заводик этот, скорее всего, то ли точно уже должен был достаться, то ли уже достался окончательно угадай кому?

– Я думаю, опять какому-нибудь заграничному дяде с большими миллиардами в кармане, наши ведь пока что не имеют таких денег, – ответил Царев, – а впрочем, какая разница, из рук государства ведь ушло.

– Вот тут ты ошибаешься. Из рук государства завод то ушел, это да, – помолчал Полозов. – А попал он прямо в руки нашего незабвенного Леонида Антоновича Басова. Вот так!

Царев только удивленно округлил глаза.

– Что, опять немая сцена? – посмотрел на него Полозов.

– Но ведь Басов, он же даже среди наших толстосумов не самый, самый? – обратился Царев к Савчуку, как к знатоку.

– Так точно, – ответил Савчук, – далеко не самый, самый.

– Так в таком случае... – не унимался Царев. – Как же это понимать?

– Это и нас с Сашей интересует, – Полозов задумался. – Тут есть пара моментов в связи с Припортовым заводом. Когда утром мы разговаривали с Кабановым, я напоследок задал ему вопрос о деловых отношениях Басова и о том, откуда они ехали, когда он вез Басова в последний раз на свидание к Татьяне...

– И что же Кабанов? – не выдержал Царев.

– О деловых отношениях Басова, он сказал, ничего не знает. А вот ехали они в этот злосчастный вечер, сказал Кабанов, от какого-то начальника из обладминистрации, а именно от начальника из фонда госимущества, где Басов как раз и находился по поводу приватизации Припортового завода, вот так вот.

– Это интересно, – кивнул головой Царев. – А что еще? Ты же говорил о паре моментов.

– А еще портфель. Если Басов шел с портфелем от Татьяны, то скорее всего, он шел и к ней с портфелем, а Кабанов почему-то ничего нам об этом портфеле не сказал, тем более, что в таком случае, портфель этот нес Басов от того самого начальника из фонда госимущества.

– Ну а если этот портфель Басов забрал от Татьяны, – не удержался и Савчук. – Может быть этот портфель был у нее.

– Может быть, – ответил Полозов. – Тогда надо будет поподробнее расспросить Татьяну. Ну и самое главное, портфель ведь нашли пустым! Не мог же Басов носить с собой пустой портфель. Что-то ведь было в этом портфеле. И, возможно, за этим портфелем, как раз и охотился убийца. Хотя? С другой стороны, каким боком к этому относится Станкевич с его ревностью?

– Использовать ревнивого мужа, в любом случае намного проще и легче, чем обыкновенного наемника. Станкевичем мог воспользоваться кто угодно, – сказал Царев.

– Да, конечно, – согласился Полозов, вспомнив, что сегодня утром то же самое сам говорил Савчуку.

– А еще, Юрий Михайлович, нам надо бы срочно переговорить с Ларисой Басовой, – показал Савчук на фотографии, лежавшие на столе. – Что их свело со Станкевичем? Интересно, кто бы мог быть автором этих фотографий и кто их прислал. Судя из отношений между супругами Басовыми, Басов навряд ли нанимал частного детектива для слежки за своей женой на предмет супружеской неверности. Кто же это мог быть? Одним словом, надо срочно переговорить с Ларисой.

– Что ты подразумеваешь под словом «срочно»? – спросил Полозов.

– Да хотя бы и прямо и сейчас!

– Остынь, – улыбнулся Полозов, – утро вечера мудреней. А я за ночь еще помозгую с какого бока нам подойти к Ларисе. К стати, насчет деловых отношений Басова я тебе еще говорил поразузнать, но сегодня, я думаю, у тебя времени не было на это, так что...

– Времени, конечно, было в обрез, – не дал ему договорить Савчук, – но я все же кое-что в этом направлении поразузнал. Во-первых...

– Ладно, ладно, – снова остановил его прыть Полозов, – остынь, не будем выяснять, что во-вторых. На сегодня хватит. Утро вечера мудреней, с утра с Ларисой и поговорим. А сейчас

спать. По домам. Все, до завтра, Степанович, – попрощался Полозов с Царевым, который как раз в это время поднял трубку внезапно зазвонившего телефона.

Полозов и Савчук встали из-за стола, отодвинули стулья и направились к двери.

– Юра, подожди! – услышал Полозов голос Царева у себя за спиной, и повернувшись, увидел слушавшего телефонную трубку и махавшего рукой Царева.

Полозов и Савчук вернулись обратно и стали возле стола, дожидаясь окончания телефонного разговора.

– Значит так, – положил телефонную трубку Царев, – поспать на данный момент отменяется. Только что в Октябрьском парке, недалеко от скамейки, найден труп молодой девушки. Труп уже опознан. Это Татьяна Станкевич. Причина смерти – удар тупым предметом по голове. Удар тупым тяжелым предметом по голове. Может быть даже кирпичом, возможным орудием убийства, как вы говорили, Юрий Михайлович, используемым обычно каменщиками, строителями и всяческими шабашниками, в отличие от колунов, пользующихся ножами. Так, словно ваше пожелание было услышано и тут же исполнено.

– Вот именно, как по щучьему велению, – Полозов окинул взглядом кабинет Царева, словно стараясь увидеть подслушивающее устройство, с помощью которого кто-то подслушал его слова.

Г

Г Л А В А 2

1

Оставив служебную «Волгу» невдалеке, Царев, Полозов и Савчук пробрались сквозь собравшуюся несмотря на поздний час толпу любопытных к оцепленному месту происшествия. На огороженной яркой лентой площадке уже вовсю щелкали вспышки фотоаппаратов, производились измерения, разыскивались следы.

Убитая девушка лежала ничком, немного неестественно раскинув руки. Не хотелось верить, что это прекрасное тело, слегка прикрытое коротенькой юбкой и легкой футболкой, уже никогда не сможет порадовать ни одного мужчину, но, увы, зияющая на затылке рана, истекающая кровью, не оставляла никаких сомнений в том, что это тело принадлежит уже миру иному.

– Вот, товарищ полковник, орудие убийства, – показал Цареву один из работавших здесь криминалистов довольно крупный булыжник, лежавший в целлофановом пакете.

– А где нашли?

– Да тут неподалеку от скамейки, – показал он на стоящую рядом с трупом скамейку.

– Значит, не позаботился о сокрытии орудия убийства, – покачал головой Царев.

– Или наоборот, позаботился о несокрытии, – присоединился к разговору Полозов.

– Что ты имеешь в виду? – посмотрел на него Царев. – А, ты все носишься со своей идеей насчет подставы, – махнул он рукой. – Будем, будем брать Станкевича. Тем более что и орудие убийства, как и полагается для настоящего каменщика – булыжник, можно сказать, средневековый кирпич. Булыжник – оружие пролетариата.

– Да будем, будем брать Станкевича, я же сказал, но дело ведь не в том, что брать или не брать, дело ведь... А впрочем ладно, – отмахнулся и Полозов, – видно будет. Давай лучше разберемся сейчас с тем, что перед нами в данный момент. Саша, – обратился он к Савчуку, – а ну ка прикинь, что тут случилось с молодой девушкой, оцени, так сказать, ситуацию.

– Ну что тут можно сказать, – немного подумал Савчук. – Девушку на свидание пригласил, очевидно, кто-то очень хорошо знакомый. Я бы даже сказал, очень, очень близко знакомый...

– Ты имеешь в виду, любовник? – подсказал Полозов.

– Судя по репутации Татьяны, скорее всего да, любовник.

– Почему?

– Да вы посмотрите на ее одежду.

– А что одежда?

– Да ведь она одета почти что по-домашнему, чуть ли не в халат и тапочки. Так, юбочка да легкая футболка, да туфельки – почти тапочки. В таком наряде не ходят на свидание к впервые пригласившему на встречу таинственному незнакомцу, желая его обворожить, или предполагая возможное посещение ресторана, например, или дискотеки. Так ходят на встречу к уже привычному, почти родному человеку, для которого наряд уже – не главное, для которого уже главное то, что под нарядом. Так ходят для того, чтобы после короткой встречи провести ночь где-нибудь в укромном гнездышке в любовных утехах.

– Ладно, убедил, – удовлетворенно согласился Полозов. – Дальше.

– А дальше было вот что. Встретились они, посидели, поговорили о том, о сем. Потом решили двинуться в свое гнездышко. Она спокойно встала с этой вот лавочки, на которой они сидели, еще, может быть, немножко и постояла, дожидаясь, пока встанет он. А он в это время спокойно поднял булыжник, которых тут вполне достаточно, и спокойно грохнул свою

любимую по головке, после чего она спокойно опустилась на землю, а он спокойно пошел себе коротать предстоящую ночь либо в одиночестве, либо в компании другой девушки.

– Обоснуй, – коротко подвел итог Полозов.

– Если бы у них была не обычная спокойная встреча с обычной предстоящей ночью любви, а, например, между ними возник какой-нибудь спор, или он, например, требовал бы что-то от нее, а она не соглашалась, или что-нибудь в этом роде, то она не стала бы спокойно стоять, повернувшись спиной к скамейке и, соответственно спиной к своему другу, она, скорее всего, вскочила бы со скамейки после ссоры и побежала бы от скамейки, а ему пришлось бы в таком случае догонять ее, в крайнем случае, если бы она в ситуации размолвки и не побежала бы от него, то стояла возле скамейки лицом к нему и, соответственно к скамейке. А так, как видите, лежит она прямо возле скамейки, ничком, головой в направлении от скамейки. Значит, стояла она возле скамейки, спиной к скамейке довольно продолжительное время, по крайней мере, время, достаточное для того, чтобы он спокойно выбрал и поднял булыжник, подошел к ней сзади и ударил. Хотя выбрал он булыжник, возможно и раньше, но тем не менее, то, что она была абсолютно беспечной и ни о чем, угрожающем ей, не подозревала, по-моему, ясно, как день. Вот так вот все, по-моему, и происходило. Хотя, возможны, конечно, и варианты. Я ведь не ясновидящий, в конце концов.

– А сыщик и должен быть ясновидящим. Да ты, впрочем, молодец, можно сказать, недалеко от ясновидящего, – похлопал по плечу Савчука Полозов. —

Вот только еще... Ты все время говоришь «она» и «он», иными словами, ты даже возможности такой не допускаешь, что убийцей могла быть женщина, а не мужчина?

– Я думаю, навряд ли это могла быть женщина, если взять во внимание характер преступления и способ убийства. Женщина скорее всего придумала бы убийство более тонкое, более интеллигентное, что ли, если убийство может быть интеллигентным, ну отравление, например, или что-то в этом роде. А булыжник – это все же более мужское орудие, тут и психология мужская просматривается, и сила удара, в конце концов, нужна внушительная. А впрочем, жизнь есть жизнь, и никаких вариантов полностью отвергать, конечно же, нельзя. Все возможно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.